

АЛЕКСАНДР ПОПОВ

Проза Русского Севера

Поселение

Проза Русского Севера

Александр Попов

Поселение

«ВЕЧЕ»

2019

Попов А. В.

Поселение / А. В. Попов — «ВЕЧЕ», 2019 — (Проза Русского Севера)

ISBN 978-5-4484-8217-5

В романе «Поселение» автор предпринимает попытку осмысления того, что произошло с русской деревней в период распада великого государства и устройства на земле нового (старого) капиталистического строя. На руинах традиционной деревни произросло новое образование сожительства людей – поселение, где производительный труд не выгоден и человек добровольно расстается с работой на земле, где отношения людей ожесточаются до смертельной вражды, где живут уже не крестьяне, а поселенцы. В повести «Взрыв» переплетаются реалии российской глубинки образца десятых годов XXI века с сюрреалистическими, фантазийными мотивами, которые прорываются через пелену провинциальных будней. Главный герой проводит летние месяцы в старинном семейном доме на берегу реки. Этот дом приобрел еще его дед в 1930-е годы, а до этого на протяжении нескольких веков он принадлежал старинному священническому роду.

ISBN 978-5-4484-8217-5

© Попов А. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Поселение	5
Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	32
Глава 4	39
Глава 5	52
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Владимирович Попов

Поселение

Поселение

Роман

И отвалились от земли руки у Серого: «Поневоле сдашь ее, земля-то: ее, матушку, в порядке надо держать, а уж какой тут порядок!»
И. А. Бунин. Деревня

Глава 1

Начать сенокос, как обычно, после Петрова дня Виталику Смирнову в этот раз не удалось. Всему виной был установившийся с недавних времен порядок пасти деревенское стадо по очереди. Сразу три дома попросили выручить, попасть за них не в свой черед. Конечно, можно было бы и заупрямиться, отказать. Но уж больно причины у всех были серьезные и уважительные. У одних умер близкий родственник где-то в дальних краях, у других разом заболели корью гостившие внучата из города, у третьих призывали (что случалось все реже и реже, и воспринималось уже как экзотика) сына в армию. Виталик помялся, поежился, поулыбался тихими васильковыми глазами... и пошел всем навстречу. По жизни он предпочитал особо ни с кем не заедаться и вообще был покладистым малым, хотя на сердце заныло – для своих трех коров и пяти овец с ягнятами сена надо было каждый год запастись тоннами, и тут каждый день в середине июля, в самую жаркую пору, когда накошенная трава высыхала на глазах, был на счету. Да и косилку он уже навесил на трактор, прошприцевал все, подтянул, опробовал на холостом ходу. И готовился начать обкашивать овраг за деревней, где трава в этом году после сырой и затяжной весны поднялась, как никогда, густая и сочная. И вот на тебе, предстояло отдать четыре золотых денечка на занудное кочевание с коровами и овцами по лугам, псу под хвост, безо времени... И это его тяготило, как всегда тяготило то, что приходилось делать, словно с перепугу, нежданно-негаданно, без натеренного, привычного порядка.

Но в первый же день досадного, несвоевременного пастушества, когда Виталик погнал ранним утром жиденькое деревенское стадо – три десятка пестрых, разнородных коров и грязно-серую, лохматую сплотку овец – по привычному маршруту в пойму Кержи, подкрался мелкий, несмелый, как начинающий ворюшка, дождь, и от сердца Виталика отлегло.

Он шел за нестройно рассыпавшейся вдоль шоссе, голодно припадающей с утра к траве скотиной, пощелкивал для острастки на отстающих, колченогих, страдающих копыткой овец, коротким ременным кнутиком на длинном кнутовище, отполированным в ладонях до лакового блеска, поглядывал на быстро затягивающееся темно-серыми тучами небо и думал, что оно, может быть, и ничего, что досталось вот так неожиданно пасти, косить в такую погоду все равно нельзя, и в этом смысле хорошо, что так получилось. Но когда пристальнее оглядывал из-под длинного козырька бейсболки набухающие влагой и все ниже проседающие на землю облака, мысли опять приобретали беспокойный характер – главное, чтоб на сеногной не завернуло, как два года назад. Тогда вот так же начиналось с сопливого, теплого дождичка, а разошлось не летними, холодными ливнями на три недели, так что за покос он взялся только в августе. А какое сено в августе – проволока, а не сено...

И, словно подслушивая невесело-обременительные мысли Виталика, дождь прищпорил, смелее зашуршал по крапиве и лопухам, редким, обьеженным овцами, кустам вдоль дороги. Виталик достал из брезентовой сумки через плечо предусмотрительно захваченный, аккуратно скрученный в рулон матово-прозрачный полиэтиленовый дождевик с капюшоном, тщательно обрядился в него, застегнувшись на все пуговицы-кнопки, разгладил на себе, огляделся и, визгливо скользя резиновыми сапогами по сырой траве, побежал заворачивать непутевую, вечно отбивающуюся от стада, глупо-строптивую корову Генки Демьянова, которая и в это утро, как всегда, самоуверенно и нагло направилась в сторону зеленеющей капусты на крайнем от села приусадебном участке. «Какая вредная тварина – вся в хозяина!» – беззлобно думал Виталик, несколько раз легонечко, щадяще приложившись кнутиком к худым, с намертво присохшим навозом ляжкам коровы. Корова обиженно повела на него своим большим, глупым оком и коряво припустила, тяжело болтая огромным круглым выменем, размером с футбольный мяч, с заляпанными грязью сосками, куда-то во главу стада. Виталик перегнал табун через шоссе, с искрошенным, переломанным в мелкую плитку асфальтом, и вольно распустил стадо

по отлогому косогору к реке. Теперь можно было расслабиться и передохнуть, подкрепиться чем Томка снарядила в дорогу. Он присел под густые, запахшие горечью под дождем кусты черемухи на горке, выбрав место посуше у корневищ, и с удовольствием позавтракал парой яиц вкрутую, вареной курятиной, запив все горячим чаем из термоса. Томка у него была баба хозяйственная и заботливая, Виталик подумал о ней с теплотой, и в который раз, что женился правильно.

Пасти ему выпадало обычно три-четыре раза за сезон с мая до середины октября, и это было для него каторгой. Не любил он уныло-тягучее, изнурительное пастушье дело. Четыре дня – три за коров и один за овец (так почему-то было определено в деревне) – монотонного, однообразного перемещения вдоль реки и одичавшим полям, когда время шло черепашим шагом, все на ногах, и в дождь, и в жару всегда в резиновых сапогах, так, что до неестественной белизны опрели пальцы на ногах, сухомытк, вставание ни свет ни заря, усталость за день, что отваливались, становились ватными ноги – выматывали его до такой общей разбитости, полного изнеможения, что обычно на четвертый день не хотелось ни встать, ни шевелиться, ни есть, ни пить. То ли дело было прежде, когда всем селом нанимали пастуха, скидывались ему на зарплату, кормили по очереди самым вкусным и лучшим, чтоб старался, скотинку не обижал... и горя, как говорится, не знали. Правда, тогда и стадо было побольше, под двести голов, в каждом хозяйстве держали корову и не одну, телят, овец по десятку. Коровы спешили в жару по улице на полдни, поднимая облако пыли до небес, а вечером по росе возвращались, нагуленные, домой неспешно, разбредались по дворам, с трудом удерживая молоко в сосках, рассеивая его сладкий, густой запах в воздухе...

Виталик оторвался от воспоминаний и нашарил в сумке китайский приемник, специально подаренный ему сыном в прошлом году на случай такой вот одинокой, скучной работенки. Покрутил колесико настройки, везде с утра зубоскалили, смешили друг друга, рассказывали хохмочки и байки, пели непонятные песенки, что-то трещали про цены, курсы, индексы. Виталик с отвращением выключил радио. Ничего дельного, чтобы хоть что-то услышать полезного, чтобы хоть кто-то рассказал, как жить тут, как другие живут. Одна неразбериха какая-то и тарабарщина – триллеры, трейлеры, ритейлеры... и не выговоришь, и ничего не понять. Он действительно не понимал, что происходило за пределами его хозяйства, семьи, возни с коровами, отелами, стрижкой овец, выпаиванием телят, чисткой навоза, сенокосом, уходом за домом, продажей молока, сметаны, творога... Раньше понимал, а вот теперь, хоть убей, не понимал. Нет, он понимал, что надо как-то выживать, что-то зарабатывать, крутиться, прикапливать деньги на свадьбу сыну и дочери, ведь когда-то они будут жениться и замуж выходить, нужна им будет и крыша над головой, не все же по общежитиям и чужим углам отираться, а там надо будет обзаводиться обстановкой, пойдут дети, их нужно будет каждый день поить-кормить, покупать одежду-обувь... Опять же внукам помогать надо, как же без этого... Но вот как все это устроить, как приладить и завинтить в одно целое, чтобы было от чего-то устойчивого и надежного оттолкнуться и пойти, пойти дальше от одного к другому, налаженным ходом? Как? Этого он решительно не понимал. Раньше понимал, когда работал в совхозе на машине, потом на кране... был везде нарасхват, знал, что будет делать каждый день, сколько заработает, сколько налевачит, на сколько и чего купит для хозяйства, на какие шиши приоденется с женой и детей в школу соберет. И сколько на главное дело, можно сказать, мечту заветную, на книжку положит...

В армии Виталик служил в ГДР, в автороте, на авиабазе под Дрезденом. Служба была не обременительной, другие ходили в караулы, сутками не спали, охраняя хранилища и ангары, бегали по боевой тревоге, палили на пыльных стрельбищах, чеканили шаг на плацу, а Виталик исправно крутил баранку огромного и неуклюжего на вид, крокодилистого «Урала», перевозил разнокалиберные армейские зеленые ящики со складов на аэродром и обратно, бомбы и ракеты в круглой опалубке, всегда гомонящих и хохочущих, радующихся, как дети, любой поездке на

машине солдат, картонные коробки с маслом и тушенкой, авиазапчасти, бочки с техническим спиртом, хозинвентарь, мебель и немудреный скарб вечно кочующих из гарнизона в гарнизон офицеров. У других ни минуты покоя и отдыха, все по часам и уставу, а Виталик набросит пилотку на глаза и подремывает себе, вытянув ноги, в просторной, пахнувшей нагретой кожей и соляжкой кабине грузовика, кемарит, пока не загрузят-разгрузят кузов, матерясь, на полусогнутых сноровистые, неутомимые солдатики. Но Виталик, надо заметить, не только меланхолично позевывал на службе, не только лениво подсчитывал, сидя в теплой машине, как и большинство шоферов, в календарике вождеденные денечки до дембеля или наводил бархоткой от безделья на сапогах глянец... Нет, не все так однозначно, водилась за Виталиком как бы одна страстишка. И даже не страстишка, а врожденное свойство его натуры. Тут надо сказать, что Виталик был весьма любопытен и наблюдателен по природе, а потому с самым живейшим интересом и внимательнейшим образом присматривался еще ко всему, что вокруг происходит, деется, особенно у немцев этих, когда выпадало, допустим, к соседям под Лейпциг, где тоже стояли летуны, наведываться. Случится, скажем, в дороге, когда обязательно сопровождающий груз офицер или прапорщик попросит в каком-нибудь небольшом городке или деревушке притормозить у магазина сигарет или что для дома-семьи купить и, строго поправляя ремни, важно уйдет за покупками, Виталик уже не разваливался масленичным котом на сиденье, а живенько выпрыгивал из машины, начинал деловито прохаживаться неподалеку, вглядываясь в незнакомый, чрезвычайно интересный мир окружающей неметчины.

Виталику нравились опрятные, вылизанные улицы; ровные, выложенные плиткой, тротуары; обвитые плющом или диким виноградом неброские, но какие-то надежно сработанные каменные дома немцев; низкие, хорошо покрашенные, пряменькие изгороди между соседями; цветники, клумбы, подстриженные бобриком газоны; чистота и порядок во дворах, где все было продумано и каждый предмет знал свое место; правильно сформированные, подрезанные деревья. Но особенно эти прочные, двухэтажные дома из камня повсеместно... Они не выходили из головы, волновали его. А почему не построить что-то похожее у себя в деревне и не зажить вот так же крепко и основательно, часто думал он, и его не раз подмывало как-нибудь остановиться вот у такого домика, зайти, осмотреть все внимательно, расспросить, как строить надо, может быть, план срисовать... Он даже не выдержал и осторожно подступился с таким предложением к прапорщику Зозуле, с кем у него за два года службы и частых совместных поездок в командировки сложились вроде бы неплохие, чуть ли не приятельские отношения. «Ты шо, сдурел, хлопец! – насмешливо посмотрел на него прапорщик Зозуля, огромный, добродушный, пузатый хохол откуда-то из-под Ровно. – Контакты с местными... ни-ни! – Зозуля решительно рубанул воздух рукой, похожей на медвежью лапу. – У тебя в кузове богато всяких интересных хреновин понакидано... узнают, что стоял, балакал с немчурой... замордуют!» Виталик понял, что сморозил глупость, и смиренно прикусил язык.

Но, как говорится, кто ищет... Словом, однажды возвращались на базу из очередной поездки к каким-то дальним авиаторам, и тут надо было такому случиться, что у всегда надежного, как танк, «Урала» неожиданно закипел двигатель. Впрочем, не мудрено, жара установилась тогда, несмотря на начало мая, нестерпимая, градусов за тридцать. Виталик поднял крышку парившего, как поспевший самовар, капота и понял, что без ведра холодной воды не обойтись. К счастью, тормознули у буйно цветущей яблоневого аллеи, уходящей от основного шоссе куда-то в глубь поля к краснеющим черепицей постройкам. Подумав, заметно посомневавшись, сопровождающий груз офицер, капитан Седельников, прозванный за не по чину повелительно-строгое, сухо-надменное обращение с сослуживцами Генерал-капитаном, все-таки приказал Виталику сходить за водой к «бауэру», только, свирепо рявкнул он, быть там предельно осторожным, в дом не заходить, лишний раз пасть не открывать, поздороваться, да поприветливее – «guten tag!», попросить «wasser», сказать «danke», и быстренько, на рысях, обратно. «Gut?» – грозно посмотрел капитан на Виталика. Виталик молча, втайне обрадовав-

шись, отмотал прикрученное проволокой к запаске помятое ведро и отправился, как по райской дорожке, под гудящими пчелами в кипенно-белом цвету яблоневого аллеи к «бауэру». «Вот таким будет подъезд и к моему дому» – отметил он, осторожно, можно сказать трусовато, вступая на незнакомый, чужой немецкий двор.

Перед ним открылось довольно широкое пространство в форме буквы П, вымощенное столетней, обкатанной временем до серо-сизого блеска брусчаткой. Справа под навесом стоял довольно потрепанный колесный тракторишка с брезентовым, вылинявшим верхом на четырех железных стойках, и новенький белый «трабант»; слева, также под навесом, были аккуратно, в рядок, расставлены плужки, культиваторы, сеялка, бороны. Виталик по-деревенски опытно отметил сверкающую сталь лемехов и зубьев борон от недавней работы с землей. Впрочем, судя по темным подтекам на брусчатке, технику здесь только что и помыли. Под навесами было прохладно и сумрачно, и от того как-то особенно радостно и приподнято выделялся на солнце выкрашенный нежной розовой краской большой двухэтажный дом с лепной, в вензелях цифрой «1885» на треугольном фронтоне. В центре двора на высокой клумбе цвели желтые и красные тюльпаны. Виталик почувствовал, как у него разливается на сердце тепло. Вот так нужно сделать и у себя дома.

У трактора возился коренастый, плотный, средних лет человек в синем, замасленном комбинезоне, позвякивал ключами по металлу. Когда Виталик вошел во двор, он оторвал крепко посаженную на короткой шее, с жидкими прядями светло-рыжих волос голову от работы и с тревожным недоумением взглянул на гостя. Виталик, напрягая все свои познания в немецком языке, вынесенные из курса средней школы, сказал, что «main auto stop... bitte, wasser». Как ни удивительно, но немец его понял и показал на колонку в углу двора. Пока ведро наполнялось водой, Виталик еще раз с плохо скрываемым восхищением оглядел двор и дом, что не укрылось от хозяина. Вытирая на ходу ветошкой руки, немец подошел к Виталику.

– Карл, – гортанно выдохнул немец, протягивая широкую ладонь, и добавил наполовину по-русски, наполовину по-немецки: – Здравствуй, kamerad!

«Не воевал, на вид – перед войной родился», – подумал Виталик, пожимая руку немца.

– Карашо? – сказал Карл, махнув ветошкой вокруг себя.

– Хорошо, – сдержанно подтвердил Виталик и неожиданно начал объяснять на смеси немецкого и русского: – nach Heimat bauen auch Haus... хочу сделать такой же дом... на родине... nach Heimat!

Немец и это понял.

– Карашо, очен карашо! – схватил он еще раз и потряс, смеясь, руку Виталика. – Kom... kom, kom! – показал на вход в дом.

Виталик замялся, вспомнив строгие наставления капитана.

– Бистро, очен бистро! – понимающе увлек его под локоток немец.

Виталик был уже не рад, что связался с этим «фрицем», но любопытство пересилило страх. «А-а, семь бед, один ответ. Когда еще посмотришь, как изнутри они живут!» Дом изнутри, однако, на взгляд Виталика, был не совсем правильно спланирован – слишком много маленьких комнаток, кладовок и подсобок, все это было бы лучше укрупнить, расширить, придать размах... Но вот кухня ему понравилась с первого взгляда, поразила своей просторностью, ухоженностью, блеском эмалированной посуды на полках, ладно подогнанными друг к другу шкафами на стенах с горками тарелок, чашек, затейливыми рюмочками, стаканами, с идеально чистым кафельным полом, большим круглым столом посередине, обставленном стульями с высокими спинками, букетом сирени в прозрачной вазе на белой скатерти. «Вот такую чистоту и порядок заведем и у нас на кухне, где будем собираться всей семьей за круглым столом», – разом размечтался Виталик. Немец угостил его из сифона стаканом шипучей воды с привкусом лимона и неожиданно достал из холодильника бутылку пива и кружок домашней колбасы, нарезал хлеба, упаковал все в полиэтиленовый пакет и протянул Виталику. Посмот-

рев на немца, на его доброе, просиявшее искренностью лицо, в светлые, без фальши глаза, Виталик понял, что жеманиться и отнекиваться здесь не надо, и принял подарок...

– Тебя только за смертью посылать, рядовой... Почему так долго? – подозрительно ощущав Виталика взглядом, процедил сквозь зубы тоном, не предвещающим ничего хорошего, Генерал-капитан, когда Виталик нарочито суетливо, энергичной трусцой подбежал к машине, стараясь не расплескивать в одной руке воду в ведре, зажав другой под горло пакет с пивом и колбасой.

– Да бауэр пахал на задворках, я ему махаю, махаю... далеко, пока он подъехал... а колодезь у него на замке, – соврал первое, что пришло в голову, и прикинулся валенком Виталик, забираясь на высокий бампер «Урала», залить воду в радиатор.

– «На задворках... махаю... колодезь»... деревня! – недовольно передразнил Генерал-капитан. – А что у тебя тут? – осторожно, двумя пальцами, поднял за ушки пакет с земли, аккуратно приставленный Виталиком к переднему колесу грузовика.

– Да немец что-то сунул в руки, когда я побег обратно с водой, – сказал Виталик, вытирая pilotкой пот со лба. «Вот влепит под горячую руку пяток нарядов вне очереди, карячься потом со шваброй в казарме после отбоя!» – подумал Виталик, физически ощущая, как нарастает, готовый вырваться огнем, нешуточный гнев в капитане.

– Что-то в руки сунул! А если он тебе гранату в штаны сунет, так и побежишь придурком! – заорал капитан. – О, пиво, запотевшее... холодненькое, колбаска домашняя! – заглянув в пакет, резко убавил обороты Генерал-капитан. – Не отравленное? – сурово пронзил взглядом Виталика.

– Давайте на мне испробуем, товарищ капитан, – облизнул сухие губы Виталик.

– Ты у меня испробуешь, ты у меня испробуешь наряд вне очереди! – машинально смягчившимся голосом пропел Генерал-капитан, точным, отработанным движением срывая крышку с бутылки о край подножки. – Хорошо, рядовой, на жаре холодненького пивка принять!

Виталик понял, гроза миновала, и с облечением вздохнул.

– Не вздыхай, – сделал несколько крупных глотков из бутылки Генерал-капитан, – пива я тебе все равно не дам, ты за рулем, а вот колбаски пожуй, заслужил! – и протянул пакет Виталику.

После армии Виталик как-то очень тихо и незаметно женился. А что оставалось делать. Не шляться же с парнями по деревенским улицам с переносным магнитофоном до рассвета, не травить же по лавочкам, лузгая семечки, байки и анекдоты, не пить же портвешок до одури и беспричинных драк до увечий. Нет, Виталик был другой, ему нравилась полезная, правильная жизнь. Во всем размеренная, во всем аккуратная и с какой-то своей завершенной ладностью. Скажем, копает Виталик грядки, так он их так приподнимет, глубоко, на весь штык, врезая лопату в землю и перекидывая пласт повыше, так тщательно потом каждый комочек руками разомнет, граблями любовно разрыхлит и обхлопает для стойкости лопатой по боковинам, что вырастут в огороде выровненные в строгую линейку не грядки, а настоящие клумбы как в каком-нибудь ухоженном немецком городке. Любо-дорого посмотреть. Или колет он дрова на дворе, так поленья бросает не как попало, куда рука «поширше маханет», а в кучку поладнее и повыше прилаживает, чтоб лужайку меньше засорять. А когда дрова подсохнут, перенесет их в поленицу в сарай, и каждую щепку, завиток бересты соберет в корзину, и на дворе чисто, и на растопку зимой сгодится. В кладовке, где держали инструмент, устроил специальные гнезда для раздельного хранения лопат, граблей, вил, мотыг. Все должно быть на своем месте и под рукой.

Не любил Виталик в жизни беспорядок, неряшливость или разор какой... Все в нем от «бардака» протестовало, появлялось желание поправить, сделать хорошо. Но Виталик понимал, что он очень «маленький» человек, и потому особо не высовывался, не лез без команды

вперед... Хотя душа болела... Случится, пошлют его на машине сено перевозить куда-нибудь в дальнюю, «неперспективную» деревеньку, где остались три одинокие бабки куковать, а дома все брошенные стоят, так пока разнорабочие сено в кузов наваливают, Виталик пройдет по оставленным избам, повздыхает, что ушла большая и налаженная жизнь, и ничего другого не придумает, как что-нибудь полезное найти, сохранить или запомнить, с расчетом на будущее, так сказать. Хоть так, чтоб не все пропало бесследно. Однажды подобрал в старом сарае топор с подгнившим топорщицем и немецким клеймом двадцать пятого года. Оказался топор крупновским, Виталик вымочил его в керосине, очистил от ржавчины, насадил на новое топорщице, наточил в кузнице на электрическом точиле, и стал топор острее бритвы – одно удовольствие было им с деревом работать. А с деревом Виталику очень по душе пришлось неторопливыми зимними вечерами заниматься. Полюбилось ему всякие финтифлюшки деревянные вырезать. Взялся он как-то покосившееся крылечко в родительском доме перебрать, да так увлекся, что решил вместо простеньких столбиков под навес резные балясины поставить. Недели две возился с двумя сосновыми бревнышками, но все-таки придал им с помощью того же найденного топора, долота и рубанка нужный фасон, как на одном из крылечек когда-то богатого дома в одной из заброшенных деревень. После балясин Виталик, войдя неожиданно во вкус, решил приняться за кружевные, тоже подсмотренные в какой-то умирающей деревушке, наливники. Но тут он понял, что на одном желании далеко не уедешь. Стал расспрашивать старичков, знающих толк в плотницком деле (они еще кое-где доживали в ту пору по окрестностям), как подобраться к узорам по дереву, заглянул даже в местную библиотеку, и, надо заметить, какие-то полезные книжки там нашел. И пошло все складываться как-то одно к одному: нужный инструмент прикапливаться, понимание и сноровка появляться. Виталик завел даже специальный блокнот, который возил теперь всегда в бардачке машины, и, если встречал что-то необычное по дереву, тут же спешил, как мог, зарисовать карандашом на бумаге. Через год немудреная изба его родителей украсилась наливниками, на которые прохожие оборачивались.

Незаметно Виталик с головой ушел в хозяйство, зарылся в домашних делах так, что даже мать, неторопливая, степенная женщина, сама дальше дома и огорода не любившая никуда высовываться, однажды не выдержала: «Ты бы, сынок, хоть в клуб сходил, промялся... не старый еще». А отец, всю жизнь проходивший в кладовщиках, всегда на людях, бойкий и речистый, сидя как-то на лавочке и наблюдая, как Виталик сноровисто наводит метлой порядок во дворе, насмешливо бросил сыну: «Тебе бы вот так, как с метлой, с девками научиться управляться... Я в твои годы ни одной гулянки не пропускал, мама ты вылитый!» Виталик обиделся, но смолчал, хотя что-то в голове у него щелкнуло, и он подумал о Томке Лисицыной, бухгалтерше в совхозной конторе, присланной недавно после техникума к ним в Романово. У Томки были добрые, всегда весело и дружелюбно смотревшие из-под густых черных бровок сияющие бирюзовые глазки. И Виталику они нравились, хотя ни статью, ни фигурой Томка не удалась. Угадывалась в Томке будущая колобковатая округлость. Но Виталик сам был среднего росточка, плотный крепышок, и в этом смысле, понимал Виталик, они были пара. К тому времени Виталика, как башковитого и непьющего работника, отправили от совхоза на шестимесячные курсы автокрановщиков, и он стал частенько бывать в бухгалтерии то с командировочными отчетами, то за очередной стипендией. Томка всегда посматривала на него из-за своего стола ласково и участливо, когда не было старшей, бралась ему помогать. Виталик обычно тушевался в конторе среди женщин, мямлил что-то о печатях и подписях, незаметно вытирая вспотевшие ладони о штаны. С Томкой у него с оформлением бумаг выходило всегда ловко и без напряжения.

Виталик стал снова появляться в клубе и несколько раз проводил Томку до квартиры, к одинокому дому бабы Зои Котовой, куда Томку определили, как молодого специалиста, на постой. Дом стоял на отлогом берегу перерезавшего село ручья, заросшего непролазными тра-

вами, ольхой, бузиной и черемухой; пышно цветущее и до болей в висках пахнущее весной раздолье для соловьиных страстей. Обычно перед тем, как расстаться, Виталик и Томка сидели на скамейку под самыми окнами бабы Зоино дома, вглядывались в голубовато-зеленое свечение умирающей и нарождающейся зари, вслушивались в соловьиные, страстные песенные схватки, неловко молчали. Виталик веточкой отгонял комаров, Томка сочно шлепала их ладошкой на голых икрах. Так бы они, видно, промолчали бы еще очень долго, если б не баба Зоя, высокая, крепкая старуха с властным, решительным лицом боярыни Морозовой.

– Ты, вот что, касатик, либо женись, либо в другое место ходи соловьев слушать! – Выросла она однажды в ночи, словно из-под земли, грозной фурией перед заробевшим Виталиком. – Томка девка честная, работающая и чистоплотная... Бери, не пожалеешь! Или – другую поищи!

Виталик подумал-подумал и женился. Без ора и шума всех этих бестолковых деревенских свадеб, гудений клаксонами свадебного поезда, красных лент через плечо шаферов, двухдневного пьянства, корявых речей с подмигиваниями: «Дарю тебе зайца, чтоб засунул по самые яйца», фальшивых братаний с невестинной родней и всей этой кутерьмы и суеты, от которых нестерпимо болит голова и свадьба превращается в испытание воли и силы духа брачующихся. А сколько денег, на мотоцикл с коляской, улетает просто на ветер. Виталик подумал и предпочел скромный вечерок в родительском доме, где с его стороны был старший брат Федька с женой, родители само собой, да старый дружок еще со школы, он был свидетелем, местный силач, гулена и большой авторитет среди парней, широкогрудый, весь прошнурованный мускулами, налитой силушкой немеряной Ванька Кузнецов. С невестинной стороны приехала из соседнего района мать Томки, простая, без фокусов женщина, сразу полюбившая «рассудительного» зятя и от всей души одарившая молодых «на обзаведеньице» ста рублями. Отца, как выяснилось, у Томки не было. Он был, конечно, но давно состоял с тещей в разводе, где-то «странствовал по свету», так, что его уже все и забыли. Приезжал еще на бракосочетание Томкин брат из Москвы Николай, со своей благоверной, толковый мужик, как показалось Виталику, он возил на «Волге» директора завода в столице. Внимательно и строго оглядывала присутствующих из-под очков свидетельница со стороны Томки, тоже недавно присланная в Романово после пединститута, учительница химии Любовь Максимовна. Некоторое время, пока не подготовили комнату в школьном общежитии, она также была на постое у бабы Зои Котовой, и девчонки заружились, хотя Любовь Максимовна была и с высшим образованием... Тихо-мирно посидели, не напиваясь, познакомились, часам к двум ночи разошлись. Правда, Федька с Ванькой Кузнецовым все-таки удалились куда-то в темноту, на огород, выпили там на двоих бутылку водки из горла и, поплясав для куража на лужайке перед домом, поорали одиноко в ночи непристойные частушки. Так Виталик перешел в новое для себя качество женатого человека.

Вскоре ему дали автокран. Романово бурно разрасталось. К двум улочкам, тесно обсевших склоны ручья старых, седых изб с садами-огородами, начали активно пристраивать, «придавать селу стройность и завершенность», как говорил директор совхоза Сергей Васильевич Дьяконов, ряды типовых, двухквартирных домов. На горке, вверх по ручью, заложили новую контору, детский сад, школу, дом быта, универмаг, котельную, баню, с полсотни кирпичных и панельных двухэтажек. Тут задумывалась жизнь, как в городе, с водопроводом, ванной, теплыми туалетами, центральным отоплением. Работы для Виталика хватало, он был всегда нарасхват. С утра краном блоки под фундамент укладывает, люльки с кирпичом и раствором тягает, вечером панели поднимает, одну на другую ладит – «майна! вира!». Рядом с большой совхозной стройкой зашевелился и частный сектор. Кто-то старый дом подновлял, кто-то новый ладил. Все зовут Виталика, кран он любую тяжесть играючи поднимет, куда надо перенесет и установит. Стал накапливаться к зарплате солидный приварок, копеечка в кармане завелась. Тут-то в Виталике и проклюнулась снова мечта о собственном каменном доме. Но прежде

Виталика, как молодого семьянина и ударника труда, премировали квартирой в новом двухквартирном доме. Виталик был рад, Томка к тому времени родила Андрюху, первенца, у родителей стало тесно. Какое-никакое (ему не нравилось, раздражало соседство через стенку), а все свое, можно сказать, жилье, думал Виталик, а там поживем, денегат поднакопим, и, глядишь, лет через пять-шесть можно будет и за свой, отдельный, кирпичный дом браться. Чем-то похожий на тот, что «сфотографировал» он тогда у немца, у этого Карла.

Стал Виталик понемногу, по десятке-другой, каждый месяц на книжку откладывать. Вроде и невелика сумма (всего-то на три бутылки), а за год, однако, больше тысячи набегало. Томка его мечты полностью разделяла. Она действительно оказалась неглупой и покладистой бабой. «Виталик да Виталик, – щебечет, – как ты это хорошо придумал, я согласна...» – и все глазками бирюзовыми Виталика оглаживает. Ночью с деликатной нежностью прижмется к плечу: «А на втором этаже у нас обязательно будет комната для детей, такая... я по телевизору смотрела, с ковром на полу... ты им кроваток с резными спинками наделаешь...» Виталик скупно отвечал: «Угу!» А про себя удовлетворенно думал: «Понимает все, и приметливая... по телевизору смотрела!»

Через шесть лет на книжке скопилась приличная сумма. «На новенькие „жигули“ хватит», – не без приятности оценивал Виталик. Тут и Маринка, дочка, как по заказу, родилась. Пора начинать, решил Виталик... с какой-то неожиданной занозой в сердце. Что-то подсказывало ему в последнее время, что он то ли проворонил нужный момент, то ли по обстоятельствам, не зависящим от него, начинал дело заведомо невыполнимое. Раздвоенность и хмарь какая-то в душу закралась. Все вокруг неясно шевелилось, кривилось, пучилось и поворачивалось полной непредсказуемостью. А Виталик любил твердость, последовательность и определенность. Пошел к Дьяконову, подумал через совхоз кирпичом разжиться, прикинул, дешевле выйдет, на доставку не надо будет тратиться. Сергей Васильевич характерно поскреб указательным пальцем крупный, облысевший лоб: «Не понимаю, что творится, фонды по живому режут, скоро листа шифера не допросишься, а кирпича уже полгода нет. Страна работает, а того гляди, спички пропадут...» И, усмехнувшись, пристально посмотрел на Виталика: «Ты газеты читаешь, телевизор смотришь? Чувствуешь, куда все клонится?!» Виталик ушел от беспредметного разговора, рассусоливать о том, что нельзя было потрогать руками, не любил, главное он понял – кирпича в совхозе нет. Дьяконов был мужик честный и конкретный, поэтому и держался так долго, тридцать лет у руля – если говорил да, то да, нет, так нет. А потом он приходился Смирновым хоть и какой-то дальней по женской линии, но все же родней. Виталик чувствовал, что дядя Сережа (так он звал Дьяконова с детства) его всегда незаметно, но поддерживает. Помог бы и в этот раз, если было бы чем...

После встречи с Дьяконовым Виталик через день решил съездить на базу райпотребсоюза, может, там удастся кирпич достать, пусть и дороже, но надо было спешить. Виталика охватила отчаянная лихорадка добытчика, хотя что-то уже однозначно говорило ему, что добывать-то особенно и нечего. «Спохватился, разиня! Дождался, досиделся!» И действительно, на базе не то что кирпича, гвоздей, обыкновенных железных гвоздей, которые раньше отпускались ящиками, на глазок, не удалось выписать. Знакомый завскладом сказал, что снабжение стало, как в Гражданскую войну, и для наглядности показал пустое хранилище, где, как в издевку, висели в углу никому не нужные дуги, хомуты, уздечки, вожжи и стояли деревянные бочки с колесным дегтем. «Зря улыбаешься... покупай пока есть! – сказал с печальным вздохом завскладом, – чуёт мое сердце, к лошадам скоро вернемся!»

«Неужели пролетел? Неужели порядка больше не будет? А в беспорядке, что путное сделаешь...» – несколько дней, до приезда шурина из Москвы, думал Виталик, бестолково шурша, пробуя вчитываться в единственную выписываемую им газету. В газете писали, что поступаться принципами нельзя, и предупреждали о разрушении народного хозяйства, чуть ли не всего государства. Правильно, соглашался Виталик, и, вспоминая о кирпиче, думал, что

развал уже начался. Потом брал другую газетку, которую ему регулярно приносил, хитро улыбаясь, Ванька Кузнецов и которую в свою очередь привозил Ваньке из города его брат, художник Вениамин, без опаски, нахраписто и вызывающе ругающий на чем свет стоит «зажравшихся коммунык». Читал в этой газете, что пришла пора менять командно-административную систему, смелее внедрять хозрасчет и кооперативы, демократические формы управления, гласность, не бояться инициативы, освободить человека от оков замшелого догматизма, и, мстительно раздражаясь, тоже соглашался с писаками, что правда, то правда, довели «партократы» страну до ручки, гнать их надо всех. Потом ловил себя на мысли, что запутывался, кого гнать и как гнать, когда и так все сыпется, какими принципами не надо поступаться... и включал телевизор. А там, занимая очередь перед микрофоном, говорили и говорили народные депутаты. И опять все мешалось, пропади они пропадом, эти депутаты, в голове. Ругал кто-то дребезжащим, заикающимся голосом армию за Афганистан, он был против, армия выполняла приказ, и по рассказам тех, кто побывал там, ребята воевали хорошо, честно, он ими гордился, а по словам депутата выходило, что все они были чуть ли не убийцы, бомбили и обстреливали мирные кишлаки, грабили, мародерствовали, торговали наркотиками, своих раненых, как последние гады, бросали на поле боя. «Тебя бы туда, придурка, хоть на пару деньков! Сразу бы поумнел!» – негодовал Виталик. Выходил на трибуну кто-то лысый и горластый и начинал задиристо, убедительно, надо сказать, бросаться словами, как скрутили мужика по рукам и ногам, замордовали приказами и глупыми инструкциями, не дают развернуться, что наряду с колхозами-совхозами надо фермерство внедрять, и Виталик с ним соглашался. Начинал вдруг с непонятым воодушевлением примериваться к роли фермера-единоличника, распался: «Вы только дайте нам земли, да не жадничайте, вон ее сколько! Да тракторишка какой-нибудь завалиющийся на первых порах, да пару плужков с культиваторами, да не лезьте с вечными указивками своими как пахать-сеять, и действительно, мужики – ух – развернутся! Вон этот, лысый-то, что говорит – фермеры в России до революции кормили пол-Европы, сливочным маслом в Сибири тележные оси мазали! А сейчас что? За сливочное масло, чтобы только пожрать, в очередях друг друга готовы поубивать. Действительно, фермерство нам надо! На своем-то поле каждый будет порасторопнее крутиться».

Но мысль о кирпиче, который так хотелось добыть во что бы то ни стало, о неразберихе, заклубившейся вдруг рядом, охлаждала воображение Виталика, выталкивала из головы все эти горячечные мечтания о фермерстве. Тут надо было думать, что делать сейчас, конкретно, когда главное, со страхом признавался себе Виталик, в том, что деньги скоплены, и немалые, и как их теперь на что-то дельное потратить, если с домом вообще вдруг все сорвется? И Виталик с еще большим нетерпением стал ждать к субботе шурина. «Колька, он в Москве, при начальстве, может, что знает там, подскажет...»

Но Колька тоже ничего не знал. Нет, кое-что он знал, даже, как выяснилось, многие очень серьезные вещи знал, но не то, что хотел узнать Виталик. А Виталика интересовало, когда на складах снова появятся кирпич, шифер, гвозди. А то, похоже, бардак начинается, и когда руководство начнет наводить порядок?

– Много знать хочешь, брат! – со значением и задушевно (они, породнившись, как-то сразу закоренились) сказал Колька – крепко сбитый, с худым, широкоскулым лицом, сорокалетний мужик, – когда они, распаренные, после бани выпили на уютной, чистенькой терраске у Виталика по первой рюмке самогона, на который деловито перешел Виталик сразу же после знаменитого указа по борьбе с пьянством. – У них там наверху полный раскардаж, они сами не знают, что теперь будет и что вообще делать.

– Как не знают? – недоверчиво посмотрел Виталик. – Там же в министерствах планируют все.

– Планировали... – энергично затряс влажной от пота рубахой на груди Колька, поудобнее откидываясь на резную спинку деревянного диванчика, сделанного любовно минувшей

зимой Виталиком, – а теперь все кувырком, склады забиты продукцией, а до потребителя ничего не доходит, а если и отгружают, то все где-то или пропадает, или через год пердячим паром к месту назначения добирается. – Колька понизил голос: – Тайный саботаж кругом, людей дефицитом злят, страну валят...

– Кто? – тихо спросил Виталик.

– Те, кто с американцами снюхался, – веско сказал Колька, – под ширмой перестройки, по заданию оттуда... из-за океана, они хотят Союз развалить, чтобы одни американцы были хозяевами на шарике, вот и путают нам все карты, гласность и демократизацию придумали, народ на власть науськивают.

– Да уж... – неопределенно протянул Виталик, понимая, что сейчас шурин, видимо, повторяет слова кого-то очень важного, – даже отсюда видать. Тут Ванька Кузнецов приносил газетку, так там, как это? «Не стесняйся пьяница носа своего, он ведь с красным знаменем цвета одного»... – процитировал Виталик. – Ну, это уж совсем... так у нас действительно все развалят.

– Не должно, не допустят, – решительно замотал головой Колька, – хотя, – махнул он рукой, – там у них, говорят, агенты влияния верх берут, а Мишка Меченый оказался полным импотентом... Если не снимут, тут такое начнется! Все под откос полетит!

– Да уже летит, – помрачнел Виталик, – только нам-то что делать? – И снова вернулся к истории с кирпичом, уже рассказанной Кольке в бане.

– Попробую переговорить с шефом, может, он чем поможет... мужик солидный, со связями, – пощупал Виталика бирюзовыми, как у Томки, глазами Колька. Но по тому, как сказано было, и по какой-то скользкой рассеянности во взгляде Кольки Виталик понял, что говорится это просто так, когда по делу сказать нечего. И не стал открываться шурину о накопленных деньгах, которые, нереализованные, в нарастающем хаосе не давали ему покоя.

А вскоре случилась история с ГКЧП. Венька, художник, брат Ваньки Кузнецова, гостивший у него тогда, сказал, что гэкачеписты незаконные и никто их распоряжения выполнять не будет, пусть хоть тысячу танков введут в Москву. Виталик чувствовал, что все наоборот, все гэкачеписты при власти были, а значит, законные, и что надо им как следует поднажать и все подчинятся, куда денутся, а народ их поддержит, почему-то уверен был Виталик, словоблудие Мишки Меченого всем надоело... Но благоразумно промолчал, слушая «болтунишку Веню», и, как выяснилось, правильно сделал. Через три дня всех этих маршалов, председателей и вице-президентов, как несмышленных кутят, отправили в тюрьму, вот и поддерживай их после этого. Приехавший в очередной раз Колька сказал, что «трусливые лизоблюды просрали последний шанс спасти страну», и добавил зачем-то, что его шеф «даже заплакал, когда все навернулось».

Виталик продолжал, как и все романовцы, по привычке ходить на работу, получал наряды, ехал на своем автокране на коттеджи за околицей, где что-то еще пытались гоношить, начали новую улицу, но чувствовал каждый день, как слабеет, распрямляется в пустоту заведенная пружина привычной жизни, как замирает наработанный порядок и уклад. Приедет на стройку, где обычно этого нет, того нет, посидит с безразлично покуривающими мужиками на штабелях бетонных панелей, поговорит о том о сем. Потом бригадир скажет, подражая известному юмористу: «Кирпич ёк, цемент ёк, пошли обедать». Однажды вечером после работы, если теперь можно было называть работой то, что он делал, ноги почему-то сами привели его в контору к Дьяконову, на огонек. Сергей Васильевич был не в меру грустен и задумчив, показалось, как-то особенно тепло поздоровался с Виталиком, обрадовался. В кабинете у Дьяконова было сумрачно и пусто, горела только настольная лампа с металлическим колпаком, ярко высвечивая контрастным низовым светом блестящий шелк красно-малиновых, с тяжелыми желтыми кистями, знамен в углу. Виталик знал, что это были особые знамена, переданные совхозу «на вечное хранение за успехи в социалистическом соревновании». Привычные слова, они как-то

сами собой, машинально, выстроились у него в сознании с каким-то неожиданным, странным предчувствием, что, возможно, он видит их в последний раз, и ему стало чего-то очень жаль.

– Вот перебираю бумажки, порядок навожу, – кивнул Сергей Васильевич на стопку разноцветных канцелярских папок на столе с тесемками, завязанными бантиком, – а лучше сказать, итоги подвожу... Ты по делу или так? – бегло взглянул он поверх лампы на Виталика.

– Так... – вяло сказал Виталик, оглядывая, как в первый раз, кабинет Дьяконова.

– Грустишь, значит?.. Бывает. Я вот тоже, брат Виталий, грущу... – прокашлялся наигранным смешком директор совхоза. – Первый раз за тридцать лет не спустили план на следующий год. А куда русский человек без плана? Никуда... на печку заберется, не сгонишь потом... План, он нашему брату спать не дает, кровь разгоняет.

Виталик растерянно посмотрел на Дьяконова и неожиданно наивно, по-детски, как робующий ученик учителя, спросил:

– Что будет-то теперь, дядя Сереж?

Дьяконов завязал бантиком очередную папку, меланхолично взвесил ее на пухлой белой ладони:

– Вот здесь вся документация по газификации Романова на будущий год... Осточертело всем дровишки палить, тысячу лет палим... сколько возни с ними – привези, напилы, расколи, в поленицу сложи... А тут спичку к форсунке поднес и только регулируй потом температуру в доме. Думал, сделаю последнее хорошее дело и на пенсию, на заслуженный отдых... Что будет, говоришь? – отложил Дьяконов папку в сторону и забарабанил по ней короткими, аккуратно-прямыми пальцами, невесело улыбнулся: – Легче сказать, чего не будет... Газа, похоже, в Романове уже никогда не будет. Зато рынок будет, племяш ты мой дорогой!

Виталик, вытягиваясь над потоком света от лампы, вопросительно взглянул на Дьяконова.

– Рынок – это, брат мой, сурово... – нехотя ответил Дьяконов. – Рынок – это когда выживает тот, у кого мозги хитрее, лапы сильнее, зубы острее... Рынок – это теперешняя жизнь с точностью до наоборот... Опасная игра затевается, – вздохнул он, – опасно это, на полном ходу дать полный назад. В щепки все разнесет. – Дьяконов опустил голову, привычно поскреб плешивый лоб. – Горбачев доболтался, Ельцин его вот-вот спихнет. За Ельциным стоят молодые волки... хунвейбины. Они задерут подол России-матушке, как уже один раз делали их предки... По-моему, они идут еще и поживиться крепко – разворуют они все! – вскинул голову Дьяконов. – Такой у нас будет рынок!

Виталик с сожалением подумал, что не все понимает, о чем говорит Дьяконов. «Не догоняю!» – признался про себя.

– Как это разворуют? – заерзал он на стуле. – Вот вы, мы... тут работали-работали, и вдруг все разворуют... а что не работать и дальше, как работали?

– Жалею, что так и не отправил тебя в свое время в институт. Сколько раз предлагал! С направлением от совхоза давно бы уже и поступил, и закончил... – недовольно посмотрел на Виталика Дьяконов. – Ну, в общем, проще говоря, будет у нас скоро, дружище, не социализм, а капитализм.

– Не понятно как-то... чудно получается, – справился с растерянностью Виталик, – строили-строили социализм, и вдруг все поменять наоборот... капитализм... Зачем?

– Правильно, вот и я о том же – зачем? Лучше, чем сейчас, в деревне, да и вообще в России, никогда не жили! – сказал вдруг горячо Дьяконов. – Надо было осторожно улучшать, выправлять систему, она рабочая и справедливая, в целом пришлась по характеру нашему народу. Нет, взялись осатанело ломать все... крушить. Почему? Я понял одно, они ненавидят, как-то очень люто ненавидят, наше государство, вот такое огромное, богатое, сильное... чтобы они там не говорили – развивающееся... И самое главное, не дающее им безнаказанно воровать! Система так устроена! Поэтому они решились стереть ее до основания, снова взяв

власть... И вот, похоже, берут, взяли уже! Теперь они будут доводить государство до состояния дистрофика, это у них называется рынок внедрять... И под шумок раздевать страну донага, карманы набивать. Дай бог, чтоб я оказался не прав, но слушали мы тут недавно в области на совещании одного рыночника из Москвы, к Ельцину, как нам сказали, приближенного, так он такое нес! Представляешь, деревню назвал «агрогулагом», «черной дырой»! После этого мне стало окончательно ясно... возьмутся за Россию они основательно... не долго осталось.

Напряженно вслушивался Виталик в слова многоопытного, пожившего, выдавшего всякое, Дьяконова. Виталик, как и многие в Романове, искренне уважал, даже чтит своего директора. Умный и грамотный был Дьяконов мужик, справедливый. Слово его всегда оказывалось почему-то верным... Слушая директора, Виталик ощущал какое-то общее беспокойство и страх. Он вновь подумал о каменном доме, о том, что надо было хотя бы на год-два раньше начинать, глядишь бы, и успел... И сожаление об упущенном болезненно ворохнулось в нем... Опять же деньги, что делать с ними теперь? Спросить, не спросить? Виталик потупился, втянул голову в плечи и передвинулся вместе со стулом из полосы света в тень.

– Говорят, фермеров поднимать будут... – неожиданно сказал он из полумрака. – Один депутат по телевизору рассказывал, что до революции наши фермеры пол-Европы хлебом кормили...

Дьяконов удивленно изогнулся и как-то снизу, из-под лампы внимательно посмотрел на Виталика.

– Не похожи они на тех, что приходят что-то поднимать, – нахмурился он. – Фермерство тоже требует много денег, не меньше чем колхозы-совхозы. Этих денег русской деревне не дадут... русская деревня им не нужна, они ее всегда презирали... и боялись. Сейчас им надо что-то красивое посулить народу, сбить деревенского человека с толку, чтоб развалить побыстрее то, что организует, воспитывает и развивает человека на земле. Поднимает его на серьезный, современный уровень и в работе, и в жизни. Они же хотят раздернуть, распустиль нас на нитки, как они говорят, атомизировать, погрузить поодиночке в тупую борьбу за биологическое выживание. Вот это и будет их фермерство... Так что готовься жилы рвать, чтоб с голоду не помереть! – насмешливо взгляделся в Виталика Дьяконов. – Дом подлатай, коровенку, пока есть возможность, еще одну прикупи, и зарывайся в навоз! Деревня поехала в обратную сторону! Куда-то к царю Гороху! – Дьяконов стал нервно перебирать карандаши в гнезде письменного прибора. – А что касается того, что, мол, хлебом пол-Европы кормили... может, кого-то и кормили, только сами его вдоволь не ели. Я еще помню стариков, которые рассказывали, что хлебушка до марта едва хватало, в прямом смысле слова – голодали. Голод целые губернии охватывал. Сказочников много развелось сейчас... впрочем, – досадливо махнул рукой Дьяконов, – когда разваливают государство, всегда появляются удивительные сказки либо о светлом будущем, либо о чудесном прошлом.

Виталик вновь поймал себя на мысли, что мало понимает из того, о чем говорит директор. Кроме слов, что надо готовиться выживать. Он и сам это чувствовал, и даже начал запасать впрок сахар, крупу, стиральный порошок, мыло, свечи, спички... Но вот деньги? Снова подумал о них, проклятых, Виталик и неожиданно решился:

– Я на дом – помните, дядя Сереж, про кирпич спрашивал? – восемь тысяч накопил... Куда их теперь? Не пропадут?

Дьяконов отвернул лампу в сторону, строго посмотрел на Виталика.

– Что же ты раньше молчал? Восемь тысяч хорошие деньги... могут и пропасть, государство на волоске держится... Слушай, есть одна мысль! – мягко шлепнул ладонью по столу Дьяконов. – Ты на коттеджах работаешь, согласишься – жилье может получиться на уровне, девятисто квадратных общая площадь, это уже не двухквартирные домики... но совхоз их, видимо, уже не осилит. Покупай такой... недостроенный, тысяч семь-восемь он как раз и будет стоить, потом как-нибудь доведешь до ума, отделаешь, парень ты рукастый.

Виталик долго смотрел в пол, прикидывал. Коробку поставили с крышей – это хорошо, но электричество, воду не подвели... начнешь доделывать, еще тысячи три не меньше вбухать надо, где их взять? А потом, типовые они, эти коттеджи, панельные, все равно какие-то унылые! Нет, думал Виталик, не то это все, не то... И, может, еще все наладится? Может, преувеличивает все Дьяконов? Как бы все-таки хотелось иметь свой, каменный... с душой, для себя, построенный дом! И отказался. Как он потом жалел об этом!

Где-то через месяц, морозным декабрьским вечером, когда, управившись со скотиной, Виталик присел перед телевизором посмотреть, как всегда на ночь, программу «Время». Вот те на! До него не сразу дошло увиденное и услышанное. Показали как-то мельком, ничего не разобрать, какое-то заседание где-то в лесу, где Ельцин и главные хохол и белорус распустили Советский Союз. Нет, он вначале ничего не понял, «денонсация (он и слова-то такого не знал) союзного договора», потом вдруг «США уведомят о создании Содружества Независимых Государств – СНГ» вместо СССР. Нет! Этого не может быть! Виталик побежал на кухню путанно пересказывать все Томке. Она, насколько уж была далека от политики, и то сразу заинтересовалась и посоветовала Виталику (вот ведь умная баба!) послушать «Голос Америки». Виталик достал с шифоньера дембельский, купленный еще в военторге в Германии «VEF» и пошарил на коротких волнах зарубежные радиостанции. Нет, все правильно, везде возбужденно и, как показалось Виталику, радостно верещали, что Советский Союз распущен. Прав оказался Дьяконов, на волоске все висело...

А потом прошло еще немного времени, и Горбачев ушел из президентов – «добровольно сложил полномочия»... Показали, как над Кремлем спустили красный флаг и подняли трехцветный. На следующий день после этого Виталик встретил на улице Ваньку Кузнецова. Ванька был с хорошего бодуна, весь какой-то взбаламученный, злой, с нарочитой лихостью смял до боли своей железной лапищей руку Виталика и с подмигиваниями пропел:

Пили мы и горькую,
Пили мы и сладкую.
Что же ты наделала,
Голова с заплаткою?!

– Слушай, корефан, а ведь мы с тобой присягали Советскому Союзу, – мутно посмотрел он на Виталика. – Чему теперь, если что, служить будем? И что он их всех не перехватал в этой Пуще?! Имел право, этот обсос меченый!.. Они же заговор устроили! Все голосовали весной за Советский Союз! Это госпереворот! Даже Венька наш согласился... госизмена!

Виталик уклонился от опасного разговора, да и чего баланду травить, когда все уже там, наверху, решили и ничего не поправишь... Он спешил на почту, деньги снимать. Решился все-таки... когда они, рублики-то, на руках, спокойнее как-то. Но на почте заведующая, Зинаида Митрофановна, необъятных размеров женщина, с добрым, сытым лицом и внимательными, бдительными глазками, только сочувственно, с пониманием, посмотрела на него из полукружья окошка в стеклянной перегородке: такие деньги надо заранее заказывать в банке, а банк после всей этой чехарды вот уже неделю не работает. Виталик, чуя неладное, чертыхнулся про себя, оставил заявление и ни с чем вернулся домой.

А затем тихо и вкрадчиво, без обычной новогодней приподнятости и суеты, с ельцинскими «дорогими россиянами» вместо «дорогих товарищей» по телевизору, в серой, туманной январской оттепели пришел, как коварный баскак, 1992 год. Где-то в середине января Виталик получил на почте свои кровные восемь тысяч. Зинаида Митрофановна отсчитала Виталику еще красными советскими червонцами все, что лежало у него на книжке. Вздохнула, посмотрев пристально и сострадательно, Виталику в глаза: «Может, не надо забирать-то сейчас? Пусть бы себе и лежали... может, какая компенсация будет? А то вон куда все двинулось, в городе

килограмм мяса уже сто рублей!» Виталик и сам чувствовал, что он делает что-то не то, не по времени, запоздало и как-то кувырком. Но решился...

В конце месяца он зарезал барана и поехал на рынок продавать. Действительно, парная баранинка уходила по сто двадцать рубликов за кило. Виталик выручил тогда сразу две тысячи. Но когда возвращался на автобусе домой, вдруг с ужасом понял, что его восемь тысяч, которые он копил полжизни, тянут всего-то на четыре «современных» барана! Виталик почувствовал себя нагло, самым бессовестным образом, раздетым и обобраным, и, вернувшись домой, с нарочитой веселостью, хвастливо-оживленно (во, сколько разом подвалило!) передавая кругленькую сумму Томке, попросил неожиданно выпить, и как-то очень скоро тяжело и безразлично захмелев, украдкой и скупно расплакался.

Вскоре совхоз переименовали в какое-то ООО «Колос», Дьяконов ушел с работы, выделили каждому работнику по шесть гектаров земли, но где конкретно, не сказали, престали платить зарплату, к осени порезали и распродали за долги всех совхозных коров, «приватизировали» по-тихому технику (Виталику тогда, как бывшему «передовику», достался латаный-перелатанный колесный трактор), обанкротились и разбрелись каждый по своим дворам. Так Виталик стал, как говорили при старой власти, единоличником. Тут он окончательно понял, что денег в кассе ему уже не видать никогда, а детей надо было как-то поднимать, вспомнил Дьяконова, еще раз мысленно отдав должное его прозорливости, и с головой «зарылся в навоз».

А сам Дьяконов неожиданно умер. Все был вроде ничего, крепким смотрелся еще мужиком. После совхоза, правда, похудел, живот немного сбросил, но и помолодел от этого как-то, выглядеть стал свежее. Вполне бодрым шагом пройдет мимо окон за хлебом в магазин, также уверенно обратно с сеткой, набитой буханками, прошагает. При встречах как обычно приветливо поздоровается, о семье-доме расспросит, про себя что-нибудь с юмором расскажет. Как, например, ругала тут его жена, что он, мол, ничего не делает, только спит в кресле сутками. А маленький внук Никита после этого спросил у бабушки, а где же рядом с дедушкой утки? Однажды, как бы между прочим, обронил, что сын у него в Москве «докторскую защитил». По тому, как сказал это, обычно очень сдержанный Дьяконов, по его неожиданно повлажневшим глазам, Виталик понял, что всегда круглый отличник, их деревенский парень, Юрка Дьяконов, добился в жизни чего-то серьезного.

Виталик видел, что доживает когда-то первый и уважаемый человек в округе, в общем-то всеми забытый и никому не нужный. Иногда Виталик вспоминал старика, думал, что неплохо бы зайти, помочь, может, чем, но в суете все откладывал и откладывал на потом, пока Дьяконов не умер от внезапного инсульта. Так ли уж внезапного? Потом как-то местная фельдшерица Светка Пономарева рассказала, что Дьяконов после ликвидации и разграбления совхоза стал резко страдать повышенным давлением. А смертельный удар случился, когда при странном стечении обстоятельств сгорела совхозная контора вместе с завоеванными им и романовцами в «трудовых битвах» красными знаменами...

Жаль было Дьяконова Виталику, было к кому обратиться, поговорить серьезно, дельное слово услышать... как осиротел. Кроме Дьяконова оставался в Романове еще Ванька Кузнецов, с кем можно было отвести душу. Но дружба с Ванькой обернулась неожиданно враждой и ненавистью. Кто бы мог подумать, что все так получится...

После того вечера, когда Виталик расписался с Томкой, женился вскоре и Ванька Кузнецов на той самой учительнице, Любви Максимовне, что была со стороны Томки свидетельницей. Тогда Ванька, оказывается, пошел провожать Любовь Максимовну в учительское общежитие выкошенными лугами старого села и в копне сена на чьих-то задворках случился у них грех. Через три месяца Ванька, как честный человек, не дожидаясь, пока у Любви Максимовны вылезет пузо, повел ее «под венец». Женившись, Ванька, будучи завмастерскими, тоже получил вне очереди квартиру в доме на две семьи на одной улице с Виталиком, буквально

напротив, через дорогу. Соседство только подогрело дружбу. Они часто ездили семьями на Ванькином служебном «Москвиче» купаться на дальние пруды, вдвоем, «без баб», порыбачить, поохотиться... Праздники, особенно Новый год, любили встречать вместе.

Но вот пришли новые времена, общественное отменили, вернули снова частное. Все с ног на голову. Начинать с нуля... Но делать нечего, надо было как-то выживать. И каждый принялся выживать по-своему...

Виталик по старинке ухватился за скотину. Дедов и прадедов из нужды выводила и теперь с голоду не даст помереть, решил он. Завел вторую корову, потом третью, двух боровков, овец, гусей, уток. И правда, года через три, скопив денег от вырученных на рынке молока, творога, сметаны, мяса, Виталик купил подержанную «Волгу» у шурина на заводе, где тоже все рушилось и распродалось. Ванька в «навозе ковыряться» не любил, ударился в пчеловодство. Развел пасеку в двадцать ульев и прикупил вскорости еще крепенький «форд» с кузовком. Теперь он летом вывозил пчел на медосбор в бывшую барскую усадьбу, километрах в семи от Романова, где каким-то чудом сохранились столетние липовые аллеи, обильный, ежегодный взятки с которых позволял Ваньке уже мечтать о пристройке к дому и новой терраске. Для охраны пасеки был куплен за хорошие деньги в городе жгуче-черный, со светло-коричневыми подпалинами, щенок ротвейлера. И вырос мощный, клыкастый зверь, весь из ярости и упругой ловкости, остервенело и грозно носящийся черным дьяволом, с дымно парящим, красным языком, без лая по проволоке, натянутой по диагонали пасеки. Его неутомимое, опасно-беззвучное скольжение по проволоке, бесовское сверканье глазами в ночи почему-то тревожили Виталика. «Не дай бог сорвется! Насмерть порвет!» – с предусмотрительной опаской думал он, прислушиваясь от своего дома к беснованиям страшного пса в Ванькином огороде.

И однажды пес сорвался. Станным образом, как потом выяснилось, перетерлось стальное кольцо, соединяющее ременный поводок от ошейника с проволокой. Одним прыжком перемахнув полутораметровый забор, отделяющий Ванькин двор от улицы, молниеносно растерзав несколько куриц, лакомящихся после дождя жирными червями на тропинке, зверь кинулся на семилетнюю дочку Виталика Маринку, на корточках присевшую с бумажными корабликами у широкой, разлившейся на полдороги лужи. Девочку спасла от верной гибели толстая, из прочного, как брезент, китайского нейлона, куртка с капюшоном. Пока взбесившийся кобель рвал капюшон и куртку, покусав до крови руки, которыми Маринка пыталась закрывать лицо и шею, на крики девочки выбежал побледневший до смертельной белизны Виталик с соседом через стенку Лехой Зайцевым, ловким, вертким, как чертенок, мужиком, в молодости бесстрашном, решительном бойце и зачинщике многочисленных деревенских драк. Мгновенно оценив ситуацию и выхватив из железного ящика с ключами Виталькиного трактора, тархтевшего на нейтральном ходу у дома, увесистый ломик, Леха несколькими рубящими, беспощадными ударами перебил псу позвоночник. Зверь завыл и, скалясь розовой от крови пастью, закрутился на траве, не в силах опереться на парализованные задние лапы. Леха прицелился добить собаку по голове, но опустил руку с ломиком, к месту схватки бежал, не разбирая луж, Ванька Кузнецов.

В дело как-то очень споро тогда вмешался участковый, кому все доложила по телефону фельдшерица Светка Пономарева, производившая первый осмотр покусанной Маринки и срочно направившая девочку в районную больницу. Участковый, молодой, неоперившийся лейтенантик, после милицейской школы направленный в Романово, еще мало разобрался в тонкостях взаимоотношений коренных романовцев и потому действовал строго по закону. По закону Ваньке Кузнецову грозило уголовное преследование, потому что собака была бойцовой породы и «содержалась в ненадлежащих условиях», к тому же оказалась «не привитая». Так что светил Ваньке вполне реальный срок. Виталик обиженно молчал и не влезал в расследования участкового, хотя по-дружески мог бы и попытаться как-то сгладить инцидент. В конце концов, Ванька договорился с лейтенантом «переквалифицировать» дело в административное

нарушение и заплатить штраф, довольно серьезный по сельским меркам, надо заметить. И еще, по закону, настоял участковый, необходимо было взять анализы у собаки. Такая специальная служба по собачьим анализам была только в области. Везти куда-то, за тридевять земель, парализованного пса Ванька отказался наотрез. Участковый в свою очередь довел до его сведения, что он связывался с лабораторией и что на анализы необходимо доставить тогда песью голову. Что переживал Ванька, когда добывал из ружья собаку, когда отрубал ей башку, можно только догадываться.

С тех пор он избегал любых встреч с Виталиком, а если случалось сталкиваться на улице или в магазине, старательно отворачивал лицо.

А потом на Ванькиных пчел ни с того ни с сего напала вдруг какая-то «морозная язва». Разом погибли пятнадцать семей. Такое бывает, намекнули Ваньке опытные пчеловоды, если распылить через леток в улей какую-нибудь ядовитую дрянь, ну, например, хлорофос. «Неужели Виталька? – разжигал себя мстительными догадками Ванька, выметая гусиным крылышком из опустевших ульев золотисто-коричневые, сухо шелестящие комочки мертвых пчел. – Нет, вряд ли... с Маринкой все обошлось, кобель оказался здоровый... Нет, тут кто-то другой... из местных босяков, завидуют! Хотя, чем черт не шутит... мог он кого-нибудь и подговорить! Вот и живи здесь без злой собаки!»

На следующий год Ванька стойчески попытался поднять пасеку на прежний уровень. Но что-то как будто решительно надломилось у него с пчелиным хозяйством. Летом он прозевал несколько сильных отводков в период роения, и пчелы, взмыв в небо черной кометой, улетели куда-то в сторону леса. Оставшиеся в ульях словно осиротели и работали вяло, в полсилы. Купленные за хорошие деньги у знакомого пчеловода несколько, казалось бы, сильных семей оказались зараженными клещом, быстро вырабатывались и умирали, более того, перенесли заразу на здоровые ульи. К осени, чтобы не сработать себе в убыток, Ванька пожадничал и откачал у пчел меда сверх меры. Зимой в ульях начался голод. К весне не осталось ни одной живой семьи. Ванька приуныл, пристройка к дому и новая терраска откладывались, похоже, надолго, если не навсегда. Ванька, морщась, купил корову, с отвращением завел поросенка и устроился к Любви Максимовне в школу (к тому времени она стала директором) на смешные деньги учителем труда и рисования.

А вот Виталик Смирнов все глубже «закапывался в навоз». Каждую субботу и воскресенье мотался с Томкой на «Волге» по рынкам и подмосковным дачным поселкам. Торговал «экологически чистыми продуктами» где только мог. Но когда садился с тетрадкой за расчеты – на сколько выручил, на сколько потратился – в итоге всегда говорил себе, откладывая в сторону дешевую шариковую ручку: «Нет, не догоняю!» Конечно, молоко, сметана, творог, мясо приносили определенный барыш. Особенно в последние годы, когда появилась в дачных поселках постоянная клиентура и как-то меньше стали отбирать на рынке наглые, безжалостно-свирепые быки-бандиты. Их то ли перестреляли, то ли пересажали, то ли все они ударились в бизнес, но их стало меньше. Впрочем, больше стала брать администрация рынка. Но сколько уходило на корма! На посыпку, зерно... На одном сене много молока коровки не дадут, на одной картошке боровки в весе не прибавят, без зерна гусь жиреть не будет, курица нестись откажет. А потом, электричество, горючка, запчасти для трактора... И сколько надо вложить в «Волгу», чтоб была всегда на ходу! Виталик, вздыхая, вставлял все расходы аккурратно в общий столбик. Складывал, получалась сумасшедшая цифра. «Не догоняю!» – снова признавался он себе, вскакивал со стула и звал Томку, чтобы еще раз проговорить, на что надо потратиться в первую очередь, где расходы урезать. Ласковым, улыбающимся, насметанным колом закатывалась в комнату Томка. «Ну что, отец, – медово пела, – опять у тебя что-то не сходится?» У Виталика все сходилось, давно уже все сошлось в голове. С некоторых пор до него стало доходить, что если он даже заведет еще десяток коров, отару овец, дюжину кабанов, не будет есть и пить, откажет себе в новых штанах, мыле и зубной пасте, будет из

экономии сидеть при лучине, ходить в лаптях – то и тогда не разбогатеет, не обзаведется той серьезной копеечкой, которая позволила бы не то что каменный дом построить, ладно, бог с ним, а купить хотя бы по однокомнатной, самой скромной квартирке Маринке и Андрюхе в райцентре. Об этом пришла пора озаботиться. Маринка была уже зрелая девка, на выданье, двадцать три незаметно набежало, работала бухгалтером на хлебозаводе – чем не невеста! А замуж выйдет, где жить будет? Андрюха после армии подался в «ментовку», служил полицейским в небольшом подмосковном городке. Ему двадцать восемь недавно отметили. Постоянной подруги, догадывался Виталик, у него еще не было. Но как в жизни бывает, сегодня нет, завтра есть. Так что о крыше над головой и для него не грех подумать.

Правда, Виталик отдал тут ему недавно практически все вырученные за молоко деньги, триста тысяч, на бэушный, но еще свеженький, «фольксваген», не все же парню по электричкам и автобусам мотаться... Хотя и жалел потом, лучше бы продолжал копить на квартиру в городе. Но на квартиру пришлось копить бы бесконечно, а вот хорошая машина, – утешал себя, – это вещь, ходовая вещь, всегда, если что, потом продать можно... Да и что деньги сейчас! Их на что-то капитальное, снова и снова распаял себя Виталик, как не хватало, так, судя по всему, и не будет хватать. Да и как их будет хватать, когда сколько ни корячься под коровами, все получается либо по минусам, либо с небольшим довеском, чтобы только с голоду не умереть. А как может быть по-другому, – изводил себя злыми мыслями Виталик, – если литр бензина стоит дороже литра молока! Они что там, совсем офонарели! Бензин, он из нефти, нефть берется из земли, тут сама природа все дает – и ее, говорят, в России хоть залейся. А молочко-то, оно трудное, попробуй добудь его от коровки... за ней вон какой уход нужен! Она же, корова, – живая, и молоко от нее живое, а бензин что? Химия! Понастрой заводов и гони себе! И о чем они там думают? Где это видано, чтобы химия была дороже живого! И как тут работать себе не в убыток! А недавно, вспоминал Виталик, зашел он в жаркий день в магазин рядом с рынком водички освежиться купить. Зашел и ахнул, бутылка воды, на вкус из-под крана, но с этикеткой «Родниковая», по цене уже вровень с молоком. Ну что это у нас за такой му... кий рынок, долго с негодованием размышлял после этого Виталик, если шельмец и пройдоха обманом наверняка зарабатывает больше, чем он, вечный навозный жук, не поднимающий головы к небу? И куда власть смотрит, почему все шиворот-навыворот!

Свои обиды Виталик надсадно-закупоренными носил в себе, если и делился с кем, то только с Томкой. «Ну, что тут сделаешь, отец, – вскидывала на него смышленные, бирюзовые глазки Томка, – ничего не изменишь, жулики всегда за счет тружеников живут... Ты же не будешь разливать воду из колодца по бутылкам и продавать, как минералку». «Не буду, – соглашался Виталик, – только не всегда они за наш счет жили, были и другие времена», – многозначительно добавлял он, опуская глаза в землю. «Да будет тебе, – чутко понижала градус разговора Томка. Она после совхоза как-то очень удачно устроилась справки выписывать в сельсовет, по-новому, в администрацию Романовского сельского поселения, и это накладывало на нее определенную ответственность, – те времена давно прошли... А ты и сейчас кое-что зарабатываешь честно». «Копейки, – хмурился Виталик, чувствуя, что ему приятны слова жены, что он „зарабатывает честно“, – хороший дом на них не построишь, детям квартиру не купишь». «А может нам, отец, в фермеры податься? – сказала однажды, как всегда с улыбкой, Томка. – Земли у нас вместе с родительской двадцать пять гектаров, выделиться, взять поближе к деревне... ты у нас еще не старый... Вон как Бяка-то развернулся, какой дом отгрохал, кирпичный, с мансардой... машины, трактора, коровник, свинарник...» Виталик призадумался, Томка словно его тайные мысли читала... Ушлая все-таки баба!

– Виталик давно приглядывался к Мишке Макарову, Бяке, как звали его в деревне с детства, – фермеру, можно сказать, заметному, бывалому, с совхозных времен. Еще в «перестроечные» времена, на излете советской власти, будучи простым механизатором, Бяка выделился из совхоза, взял в аренду пятьдесят гектаров земли, выклянчил кое-какую технику и занялся

с дальним родственником выращиванием ржи на продажу. Дьяконов тогда не препятствовал рвению молодого «кулачка», все делал в соответствии с постановлением верховной власти по развитию крестьянских фермерских хозяйств, и даже более того, поощрял Бяку в его интересе с рожью. Дьяконов был большим поклонником этой древней культуры, считал ее изгнание с полей средней России в пользу пшеницы исторической глупостью, наносящей вред деревне. Поэтому ржаное поле Бяки считал чем-то вроде опытного участка, возможностью доказать исключительную полезность ржи, и как мог помогал фермеру удобрениями, с ремонтом, специалистами. Бяка пошел в гору, удачно продавал несколько сезонов рожь государству, купил комбайн, построил на своем поле летний домик, гараж, мастерскую, подвел за копейки электричество, проложил гравийную дорогу от большака, выкопал пруд. Помещик, да и только! Но вот рухнула советская власть и вместе с ней закатилась звезда «вольного хлебопашца» Бяки. Тарифы взметнулись до небес, не стало практически бесплатных совхозных удобрений, запчастей из совхозных мастерских, специалисты разбежались. И Бяка за год-второй абсолютной предпринимательской свободы полностью прогорел. Рожь сеять перестал, землю занял клевером – меньше хлопот, полевое хозяйство забросил. Казалось, закатилась звезда фермера навсегда. Но прошло какое-то время, и Бяка неожиданно снова поднялся и зажил лучше прежнего. Виталик несколько раз и так, и сяк, и по пьяной лавочке пытался выведать у Бяки, как тому удалось и дом построить каменный, и коровник со свинарником сгношить, и тракторами-машинами обзавестись, и даже работника нанять, но ничего конкретного у скрытного Бяки выведать ему так и не удалось. «Хитрый Бяка, – думал Виталик, – что-то он химичит, неспроста у него денежки водятся... Но ничего, рано или поздно дознаемся!» И всегда после таких мыслей с особым удовольствием вспоминал тот случай на речке из раннего детства, после которого Мишка Макаров на всю оставшуюся жизнь остался Бякой.

Тогда они, компания романовских мальчишек, ловили в омуте у разрушенной мельницы раков. Бесстрашно нашаривали их руками в норах под высоким, изрытом корневищами деревьев берегом и, стараясь не напороться на клешни, ухватив рака за хрупко-твердую, панцирную спинку, выбрасывали на берег. Периодически выскакивали из реки и собирали маниакально уползающих в сторону воды раков в плетеную корзину. На берегу сидел, увязавшийся за старшими, пятилетний, вечно простуженно шмыгающий носом, плаксиво-капризный, а потому недолюбливаемый пацанами, Мишка Макаров. Вначале Мишка боязливо и настороженно рассматривал копошащихся, налезавших друг на друга в корзине темно-зеленых раков, похожих на огромных тараканов. Потом осмелел и, пересиливая страх, попробовал даже прикоснуться к одному, самому маленькому и нестрашному, пальчиком. Рак клацнул клешней и больно стегнул Мишке по руке. Мишка взвизгнул, отдергивая до крови прокушенный палец: «Бяка!» Мальчишки в ликовании, давясь от смеха, попадали на землю и, суча в воздухе белыми, промытыми пятками, зашлись в мстительном восторге: «Бяка! Бяка!»

...На четвертый день пастушества, в субботу, наконец-то, разведрилось и проглянуло солнце. Земля после трехдневных дождей, быстро подсыхая, запарила, разом стало жарко и душно. Виталик, раздевшись к полудню до пиджака, уже несколько раз запускал кнутовище под рубашку, с наслаждением чесал между лопатками, мечтал о вечерней бане. На берегу Кержи не выдержал, разулся, с наслаждением пополоскал опрившие, задышающиеся в резине ноги в мутной от дождей, холодной, непрогретой воде. Долго рассиживаться, правда, не пришлось. Скотина от оводов и слепней начинала сатанеть. Коровы ломались, спасаясь от кровососов, через кусты подалее от реки на ветерок, на прибрежную горку. Заворачивая их по высокой, еще мокрой траве в очередной раз на луг, чтоб не дали деру с горки в деревню, Виталик совсем выпустил из виду проказливую коровенку Генки Демьянова, которая, пока пастух бегал по косогору, тут же перебралась в брод на другой берег реки, где принялась, подманивая остальных коров, утробно реветь и рыть рогами землю.

Пришлось снова разуваться и босиком, высоко закатав штаны, больно ударяясь о скользкие камни на дне реки, перебираться на другую сторону Кержи. Лезть обратно в речку корова не хотела, хоть тресни. Виталик пытался и уговаривать ее, и подталкивать – бесполезно! Упрямое, строптивое животное, широко и грузно раскорячившись, словно вросло в землю, продолжая призывно трубить, воспаленно косясь на Виталика дурным, на выкате, глазом. Терпение Виталика лопнуло. Кнут он оставил на другом берегу рядом с сапогами. В горячке, не размышляя о последствиях, Виталик решительно выломал в ивняке длинный, гибкий прут и, секанув несколько раз для острастки со свистом воздух, принялся с яростным остервенением, не помня себя, нахлестывать корову по худой, мосластой хребтине. Несколько наиболее сильных ударов хлыстом вспороли корове кожу до крови, на глазах вспухли толстыми, насосавшимися пиявками рубцы. Тут побежишь! Протяжно и обиженно замычав от боли, корова, грузно и неуклюже, как только ноги о камни не переломала, тяжелой машиной ринулась в воду... Виталик не на шутку струхнул, быстренько следом пересек речку, по-солдатски, мигом обулся и, нагнав корову, попытался клочком травы затереть следы от побоев. Рубцы позеленели и стали еще заметнее.

Пас в этот день Виталик как никогда долго, до сумерек. Зародилась наивная мысль, что рубцы, возможно, рассосутся, ранки затянутся, а если нет, то в темноте не будут так заметны. Он несколько раз осторожно подкрадывался к корове, пристально разглядывал ее спину. Нет, рубцы не исчезали, не рассасывались. И Виталик медлил, затягивал с возвращением в деревню. И только, когда солнце окончательно провалилось за горизонт, небо загустело темной синевою, а с речки потянуло холодом и сыростью, Виталик развернул стадо в Романово.

Как назло, встречал в этот вечер свою непутевую коровенку на лужайке перед домом сам Генка Демьянов. Обычно это делала его жена Нинка, рано увядшая, зашуганная, вечно смотрящая в землю сутулым коньком-горбунком, бессловесная раба. Она, принимая корову, обычно мелкими шажками и как-то пугливо трусила за ней до сарая, не особенно оглядывая кормилицу. Генка, тот, наоборот, изображал из себя заботливого, внимательного хозяина. Обычно в заношенном до желтых, просоленных пятен под мышками полосатом тельнике, в нейлоновых, спортивных штанах, в неизменных резиновых шлепанцах на босую ногу, Генка вальяжно распахивал повисшую на одной петле, чертившую землю, калитку, давал корове посоленную корочку, картинно оглаживал ее бока. У Виталика это всегда вызывало улыбку. Он-то хорошо знал, что Генка был тот еще хозяин, корову держал всегда полуголодной, сена запасал до февраля, не больше, а потом побирался с веревкой по соседям, выпрашивая охапку-другую «до лета». Корова у него по весне выбиралась на свет божий из хлева, пошатываясь.

Как-то Виталик зашел к Генке во двор и поразился толстому слою окурков перед низеньким, прогнившим крылечком. Так и представилось, как хозяин изо дня в день посиживает на трухлявых ступеньках, непрерывно смолит, бросая экономно выкуренные до корешка окурки под ноги. «Сколько же денег улетело с дымом! – подумал тогда Виталик. – И сколько новых крылечек можно было сделать на них!» А какая замызганная, с сухими наростами корма для скотины у ручки, ободранная, с клоками пакли из-под полуистлевшей мешковины, вела дверь в дом Генки! А какой запущенный, с чмокающей под ногами темно-коричневой навозной жижей, не просыхающей даже летом, ржавыми консервными банками, битой посудой под забором, щепой от колотых дров, без единого деревца был у Генки двор! «Ты бы сюда хоть пару машин щебенки бросил, – помнится сказал тогда Виталик, с ужасом оглядывая дикость и разруху кругом, – все бы до сарая легче было добираться». «Щебенку, говоришь? – с вызовом посмотрел на него Генка карими, с сизой дымкой в зрачках, глазами. – На щебенку денег надо... Это у вас, у прихватизаторов, их много, а у нас, простых колхозников, денег нет!» «У каких таких прихватизаторов?» – изумился Виталик. «Да у таких, как ты, – недобро оскалился Генка, – разжились на народном добре...» «Не понял?» – снова удивился Виталик. «Все ты понял, – сплюнул под ноги Генка, – когда совхоз делили, тебе вон трактор с навесной техни-

кой дали, а мне пососи только...» – похлопал он себя ладонью ниже пояса. «Вон оно как!» – по-прежнему, изумляясь, подумал Виталик и хотел было добавить, что и при совхозе надо было больше работать, а не спать под кустами на телогрейке, тогда, глядишь, и тебе что-нибудь досталось бы, но благоразумно промолчал и дал себе зарок больше к Генке не заходить.

– Что-то ты сегодня, пастух хренов, запаздываешь! Корова, она животное такое, любит вовремя доиться! – крикнул недовольно Генка Виталику от криво откинутой, так и не починенной за лето, калитки, тыча встречаемой корове одной рукой горбушку хлеба в губы, другой нарочито ласково похлопывая ее по спине.

– В дожди пригонял раньше, сегодня решил добрать время... – мимоходом бросил Виталик, норовя побыстрее проскочить мимо Генки.

– Э, стой, зазноба моя, это что тут у тебя?! – услышал Виталик крик Генки, и, стараясь не оглядываться, прибавил хода. – Да на тебе живого места нет! Ого, до мяса приголубили! А ну-ка, погодь, пастушок, ты что это с коровой нашей сделал? – Виталик услышал за собой, как часто зашлепал резиновыми тапками по голым пяткам Генка, и понял, что тот догоняет его...

– Я нечаянно, я не хотел! Она все через реку лезла! – развернулся Виталик лицом к преследователю и интуитивно прикрылся рукой с кнутиком, улавливая каким-то особым чувством, что Генка настроен решительно.

– Нечаянно?! А, если она скинет, она в марте огулялась, ты за нее телиться будешь?! – Плотный, на голову выше ростом, Генка с ходу, не размахиваясь, коротко отвесил тяжелым, как гирька, кулаком Виталику в ухо. Виталик почувствовал, как его ноги отрываются от земли, и кувыркнулся в грязную, мокрую траву. Бейсболка с головы слетела, закатилась в лужу. Кнутик выпрыгнул из рук.

– Будешь знать, как над домашним животным издеваться, гад! – назидательно сказал Генка и, презрительно отплеываясь, развернулся к дому.

Виталик, оглушенный, встал на ноги, достал бейсболку из лужи, отжал и, прижимая холодную, влажную ткань к стремительно наливающимся жаркой тяжестью уху, огляделся. К счастью, сумеречная улица была пуста, скотину уже разобрали и развели по дворам, никто, кажется, ничего не видел. Хотя, показалось, шевельнулись занавески в темных окнах, еще без света, у Ваньки Кузнецова... Виталик машинально накинул мокрую бейсболку на голову, потоптавшись на месте, нашел в траве кнутик и, повертев его бессмысленно в руках, закипая: «Да чтоб, вас всех!», с треском сломал о колено.

Глава 2

В выходные Андрюха Смирнов старался побывать у родителей. Он видел, как достается отцу. И когда приезжал домой, помогал старикам по хозяйству с полной выкладкой. Чистил хлева, вывозил на тачке в огород горы слежавшегося, утрамбованного коровами навоза, который, пуп надорвешь, прежде чем вырвешь вилами из сопрелой толщи и кинешь на тележку; колот дрова – комлистые, перевитые древесными жилами чураки, в которых колун застревал и взять их можно было только железным клином; копал по весне бесконечные гряды в огороде, после чего спина не разгибалась; летом впрягался в сенокос – подменял отца, валил тракторной косилкой траву, потом с матерью и сестрой разбивал валки, шевелил, сгребал сено, складывал в копны, перевозил к дому, скирдовал... Иной раз зайдут друзья вечером, в клуб приглашают, так Андрюха деликатно уклонится, что не могу, мол, завтра рано на работу надо ехать, а сам с отцом возьмется обшивать тесом дом с улицы. К слову, когда все сделали, покрасили в голубой цвет, наличники причудливой резьбы на окна навесили – заиграла халуца.

Виталик с тихой радостью поглядывал на старательного домоседа-сына, удовлетворенно угадывал в нем себя. Он часто ловил себя на мысли, какой знатный трудяга мог бы получиться из Андрюхи, если б тот остался в деревне. Технику любит и знает, приучен работать на ней, можно сказать, с детства. Работающий, аккуратный, спорый... не пьет. Учился в школе очень даже ничего, все-таки на автомеханика в техникум поступил и закончил. Вот если бы все оставалось по-старому, прикидывал Виталик, далеко бы пошел в совхозе парнишка. Этот уж точно бы каменный дом поставил. А так, где ему по специальности тут работать – все развалили, растащили, да и в райцентре картина такая же – ни одного завода не осталось. Вот и пришлось подаваться в «ментовку». Да и то надо сказать спасибо шурина, у того какие-то зацепки в подмосковной полиции оказались, взяли Андрюху сразу сержантом. И все равно, в деревне Андрюха, в нормальной деревне, как раньше, был бы куда больше на своем месте. Ух, крепко бы зажил парень! Виталик воображал сына то механиком, то завмастерскими, то на кране, то на комбайне, заколачивающем в уборочную по восемьсот рублей в месяц, за три сезона на новенький «Урал» с коляской. А что, разве мало зарабатывали, кто старался, не пил, не отлынивал от работы! Рукастый, с башкой механизатор получал больше, чем директор. Все-таки хорошее было время! – уносился в прошлое мыслями Виталик. И представлял Андрюху с хозяйственной, толковой женой, с нормальными ребятишками, естественно, в добротном кирпичном доме, где впереди яблонева аллея, мощеный гладкими, обкатанными водой камушками (вон их в реке сколько!) двор, с клумбой посередине и разными пристройками... как у того немца, в Германии. «Не у меня, так у него, точно получилось бы!»

Но возвращался Виталик в обыденную реальность, опускался на грешную землю, огорченно вздыхал, нет, никогда уже не жить Андрюхе в деревне, прошло все в деревне, пропало, жить здесь молодому незачем, перспективы никакой... Лет через десять одни старики и дачники в Романове останутся. Пусть уж в полицейских и дальше ходит. Все при деле, и деньги стабильно платят. Хотя работенка еще та – пьяных-ссанных на улице подбирать, шпану в кутузку таскать. То ли дело в деревне хозяином быть! Эх! Виталик смурнел, шустрее, чтоб отвлечься, начинал возиться по хозяйству. Главное, чтоб не скурвился там, в этой «ментовке», не связался бы с кем не попадя, на какую-нибудь отпетую сволочь не нарвался... Виталик старался суеверно о плохом не думать, боязливо гнал от себя тревожные мысли, чутко ждал каждые выходные сына.

...После бессонных суток дежурства, Андрюха Смирнов никакой, измотанный до предела, рухнул на узкую, расшатанную кровать в полицейском общежитии в восемь вечера пятницы и проспал, как убитый, до десяти утра субботы. Проснулся выспавшимся и бодрым, в приподнятом настроении. Принял душ, надел джинсы, новую голубую рубашку, ярко подси-

нившую и без того синие, васильковые глаза, жадно и с удовольствием позавтракал яичницей с жареной колбасой, и в самом благодушном расположении духа вырулил на своем подержанном, но смотрящимся почти новым, чисто вымытом и ухоженном «фольксвагене» на трассу в сторону родного Иванграда.

Все в тот день, от наконец-то появившегося солнца после трехдневных серых дождей, чистоты и свежести промытых пространств с фиолетовыми пятнами люпиновых колоний, малиновыми линиями иван-чая, цветной вышивкой трав до дерзкого хода автомобиля, напористо подминающего под себя километры местами еще влажного, маслянисто лоснящегося на солнце асфальта, – все это было так зримо, энергично и сильно и так сливалось с внутренним ощущением полета, довольства и безмятежности, что Андрюхе хотелось кричать что-то бессмысленное и несурзное, голосить во все горло и подпрыгивать от беспричинной радости за рулем, что он периодически и делал, на долю секунды фиксируя краешком глаза диковато-недоуменные взгляды водителей, пролетающих мимо, как из пращи, машин... Памятный выдался тогда денек, надолго он запомнился Андрюхе.

Подъезжая к Иванграду, распираемый желанием щегольнуть и покрасоваться на иномарке, Андрюха несколько раз набирал по мобильному домашний телефон дядьки Федора, тот по субботам частенько выбирался с женой в Романово навестить родителей. Машины своей дядька не имел, ездил в деревню на автобусе, еще ходившем два раза в сутки (раньше было пять рейсов), днем и вечером, с грехом пополам в Романово. Что такое романовский автобус по субботам, Андрюхе объяснять было не надо – поездил, знал это дело. В маленький, всегда почему-то заляпанный сухой, светло-коричневой грязью, с ободранными сиденьями, «пазик», народу набивалось под завязку. Ехали обычно весело, с прибаутками и матерком, и нередкими драками за свободные места... Никто у дядьки Федора дома на звонки не откликался. И Андрюха решил завернуть на всякий случай на автостанцию, подхватить дядю, если тот решил съездить в деревню, непосредственно у автобуса.

Андрюха дважды объехал вокруг романовского «пазика», энергично штурмуемым расторопными земляками, правя одной рукой, нарочито высывая голову из машины. Дядьки нигде не было. Притормозив поодаль, Андрюха решил дождаться конца посадки, авось еще прискочит старый козел. Настроение у Андрюхи начало портиться, никто его особо не замечал, знакомые здоровались сдержанным кивком головы, подбросить никто не напрашивался. Гордый народ романовцы, с самомнением, что тут скажешь, мать их так! И тут от толпы отделилась в коротком розовом платьице и голубой джинсовой курточке, на упругих, ровных ножках в белых туфельках на высоком каблучке девушка Мальвина. Именно в такую, почти в такую, влюбился когда-то в детстве Андрюха, посмотрев в романовском клубе «Приключения Бурадино».

– Здравствуй, Андрюша! Ты случайно не в Романово? – очаровательной стрекозкой подлетела и замерла, словно зависнув в воздухе, над высунутой из окна машины головой Андрюхи Мальвина, поправляя солнцезащитные очки на высокой, взбитой прическе крашенных, пепельно-голубоватых волос. Мальвина, это была точно Мальвина, настоящая, с экрана, из детства! Только повзрослевшая... И еще у той глаза были синие, печально-неподвижные, а у этой смеющиеся, карие, с клубящимся сизым дымком в глубине зрачков.

– Ты что, не узнаешь меня? – Мальвина отступила на полшага назад, как бы давая себя рассмотреть. – Это я, Люда Демьянова, мы еще в школе учились вместе, только я в пятом, а ты в десятом.

– Что-то припоминаю, – растерялся Андрюха, с неприличным магнетизмом зашарив глазами по оголенным, стройным ножкам Мальвины. – Хотел дядьку встретить... в Романово еду. Могу подвезти... – неопределенно промямлил он.

– Дяди Феди здесь нет... Так что, мне садиться? – заиграла глазками Мальвина.

– Да садись... какие дела! – расторопно, справляясь с растерянностью, ответил Андрюха, чувствуя, что девушка ему нравится. – Даже если он придет, всем места хватит.

Мальвина, цокая каблучками, розово-голубым облачком облетела машину и эфирно-бесшумно опустилась на переднее сиденье рядом с Андрюхой.

– А как же билет? – покосился Андрюха на высоко открывшиеся бедра Мальвины... и проглотил вожделение.

Мальвина, усмехнувшись, достала из кармашка джинсовой куртки прямоугольный листик бумаги, скомкала его и выщелкнула пальчиком в окно:

– С местом... кому-то повезет...

В автобусе с трудом закрыли спинами переламывающиеся дверцы последние пассажиры, и «пазик», дергаясь, приседая на правую сторону, начал отъезжать от автостанции.

– Не пришел... не повезло дяде Феде. – Андрюха тронул машину с места.

– В следующий раз повезет... ты ведь каждую субботу едешь домой, – завозилась на сиденье Мальвина и поддернула из-под себя розовое платице, натягивая на колени. Андрюха не удержался, снова пошарил глазком полуприкрытые бедра Мальвины и почувствовал, как в нем вспыхнуло сладкое желание соития.

– Откуда знаешь, что каждую субботу... следишь, что ли? – заелозил вспотевшей рукой по набалдашнику рычага переключения скоростей. На повороте, при выезде от автостанции на центральную улицу города, он опасно, почти на красный свет, обогнал романовский автобус и полетел, не разбирая дороги.

– Да ничего особенного, – неожиданно смущенно сказала Мальвина, – когда идем с девчонками в клуб, всегда видно, стоит не стоит твоя машина у вашего дома. А почему ты никогда не ходишь на дискотеку? Там бар открыли, прикольно... – спросила она и покраснела.

– Честно? – сказал он, встретившись глазами с Мальвиной и, мгновенно уловив, что ответить надо как думаешь. – Просто смысла не вижу. Пива насосаться да поплясать в дыму... не, это не для меня, я лучше в бане попарюсь...

– А молодость? – задумчиво, как бы вспомнив что-то свое, глубоко интимное, сказала Мальвина. – Вот так и пройдет?

– Не знаю! – резко оборвал Андрюха, улавливая полезность, но крайнюю несвоевременность разговора. – А я бы тебя никогда не узнал. Чем занимаешься? Где живешь?

Между тем миновали город, свернули на шоссе в сторону Романова.

– Ну и жара сегодня, кошмар, – замахала ладошками у лица Мальвина, – говорят, весь июль теперь простоит такой... Я в парикмахерской работаю... комнату у одной бабули снимаю... Хочешь, Андрюша, тебе модную прическу сделаю! – Она вдруг плутовато нацелилась на Андрюху. Серые дымки заиграли у нее в глазах. – Что у тебя на голове? Какой-то самодельный полубокс! Хочешь, я сделаю тебе каре, как у хачиков? Нет, каре тебе нельзя, ты все-таки в полиции работаешь... Во, тебе гранж подойдет, очень стильный вид будешь иметь! – Мальвина неожиданно гибко метнулась к Андрюхе и ловко взъерошила ему волосы на голове.

Андрюха уловил легкий запах пота, который показался ему приятным, машинально сбросил скорость, остановился.

– Так и разбиться можно! – притянул к себе Мальвину.

– Ну и пусть! С тобой я на все готова... я поняла это еще в пятом классе, – засмеялась Мальвина, прижимаясь всем телом к Андрюхе.

Андрюха на миг отстранился, огляделся и, обнимая одной рукой девушку, тронул машину с места, чтобы через несколько метров свернуть с шоссе на полевую дорогу, пробитую в высокой траве к реке рыбаками и любителями пикников на чистых песчаных отмелях.

...Распираемый довольством и счастьем, первый раз в жизни ощутив нежность и страсть влюбленной, потерявшей разум женщины – ничего подобного до этого ни с кем у Андрюхи не было, – он подъехал к дому с желанием с кем-нибудь поделиться своими чувствами, выгово-

риться... может быть, с отцом... Было где-то около восьми вечера. Выяснилось, что сегодня отец пасет. «Четвертый день уже», – уточнила мать, внимательно приглядываясь к сыну.

– Ты сегодня особенный какой-то... и нарядный, как жених, – сказала она, собирая на стол.

«А может, я и есть жених!» – хотел сказать Андрюха, но передумал. Все-таки серьезные мужские дела он предпочитал обсуждать с отцом. А ведь мать угадала. После произошедшего сегодня у него с Людкой он готов был на ней ни много ни мало жениться. Андрюха чувствовал, что он встретил свою женщину. Он это сразу понял, когда слился с ней...

– Вечером схожу в клуб, – уклонился он от разговора с матерью, – одноклассников, когда ехал, на дороге встретил, пива попьем, давно не виделись.

– Только осторожнее там, – сказала Томка, – сейчас в деревне кого только нет, не раньше... а ты милиционер.

– Хорошо, – сказал Андрюха, прикидывая, хватит ли ему времени протопить баню и попариться до встречи с Людкой в клубе. Решил, что успеет. Заодно и отцу будет не грех помыться после четырех дней пастьбы. А в бане, если не разминутся, может, удастся и поговорить.

Летом натопить баню – дело быстрое. Это зимой кадишь по два-три часа, пока прогреются стены, полы, полки... С десяток охапок дров, не меньше, спалишь, прежде чем почувствуешь, как наполняется устойчивым, сухим жаром темное, прокопченное нутро бани. А в июле достаточно десятка поленьев – и все, через час волосы на голове трещат, пар из каменки, если плеснуть туда из ковшика, вырывается, как из огнемета, злым, раскаленным облаком, только уворачивайся. Таким гремящим духом, когда погаснет в печке огонь и вода в котле начнет булькать и постукивать, надо баню несколько раз прожарить, промыть как бы, запарить в тазике с горячей водой березовый веник, дождаться, пока он не даст целебный дегтярный запах, – и тогда можешь смело заходить париться.

Андрюха уже во второй раз забрался на полку, когда услышал, как в предбанник, как всегда, чуть осторожно вошел отец и стал неторопливо и размеренно раздеваться, сопя стаскивать сапоги, с глухим стуком отбрасывая их в угол.

– Бать, ты? – крикнул Андрюха. – Опаздываешь! Я уже по второму кругу!

– Ох, и накалил! И как только терпишь! – коренасто и разлаписто, белея в неярком свете банной лампочки сбитым, борцовским телом, на коротких ногах, вошел в парную Виталик, машинально прикрывая голову ладонью. – Шапку бы надел, мозги расплавятся.

– Не расплавятся, всего-то двенадцать полешек бросил...

– Ну да, лето, много ли надо, – сказал Виталик, присаживаясь на низкую скамейку вдоль стены. – Вначале отопреем, за четыре дня с этой скотиной... спина зудит просто.

– Давай предварительно веничком, – изъявил желание соскочить с полка Андрюха.

– Потом, – поморщился Виталик, охлаждая руку в бачке с холодной водой и прикладывая ее к уху.

– Что с ухом? – всмотрелся Андрюха сверху. – Оно у тебя вареником оттопырилось.

– Да так... ты только матери не говори, я ей сказал, что у реки поскользнулся, на камень упал, – не стал ломаться Виталик и все как было рассказал сыну.

– Да я ему сейчас, козлу, пойду ноги повыдергиваю! – в бешенстве прыгнул с полка Андрюха.

– Не стоит, – продолжая смачивать холодной водой ухо, кисло сказал Виталик, – никто ничего не видел... не стоит с дерьмом вязаться. А я его весной сеном вырочал... – хмыкнул неопределенно.

– Как это не стоит! – вскинулся Андрюха. – Если тут каждый будет руки распускать... это уже ни в какие ворота! И что? Никто ничего не видел? На всей улице никто? Так не бывает, свидетелей найдем! На пятнадцать суток! Сразу поумнеет! Но сперва я ему глаз на жопу натяну!

– И черт меня дернул с этой его коровой... Сам не знаю, что на меня нашло! – сокрушенно замотал головой Виталик.

– Бать, ты чего? – продолжал ерепениться Андрюха. – Ну, хлестанул ты эту сраную корову, ну рубец остался... она что, сдохла от этого? А тут хулиганство! Он же ударил тебя! Не, так просто ему это не пройдет!

– Да кончай ты! – раздраженно оторвал от уха и замахал рукой Виталик. – От дерьма подальше! Никто ничего не видел... а там жизнь покажет.

– Как скажешь, бать, – неожиданно сбавил обороты Андрюха. До него вдруг дошло, что этот «козел», которому он готов «ноги повыдергивать» за отца, – родной отец Людки. И как-то нехорошо ворохнулось что-то в душе. Словно знак какой-то проявился...

– Ты только матери ничего не говори, – снова напомнил Виталик, по-своему оценив замешательство сына, – да и вообще никому...

В клуб Андрюха пришел где-то в начале одиннадцатого в самый разгар бурного, разухабистого веселья. Пошарил глазами по скачущим, подпрыгивающим в трассерах пульсирующим огней изломанным фигурам танцующих. Людки нигде не было. Подошел к барной стойке, где бармен, он же и диск-жокей в наушниках, в розовой рубашке и желтом в белый горошек галстук-бабочке, с факирской ловкостью орудуя бутылками, приплясывая, сооружал кому-то, высокому и пижонистому, в дорогой, тонкой кожи черной куртке и белых штанах, стоявшему спиной к Андрюхе, какой-то замысловатый коктейль. Бармен сделал знак глазами, снял наушники с головы, что-то коротко сказал, и человек в кожанке обернулся.

– О, кто к нам пожаловал! Здорово, мент поганый! – сказал он довольно доброжелательно Андрюхе, не протягивая руки.

– Здорово, урка вонючая! – в тон ответил Андрюха, тоже не протягивая руки, и вскарабкался неуклюже на неудобный, длинным кукишем торчащий из пола барный стул. Перед ним был Витек Орешников, одноклассник до восьмого класса. Не виделись они лет семь. Витек сильно изменился. Из жидкого «глистеньша», как звали его в школе за худобу и заморенность, Витек раскачался в крепкого, вполне бойцовского вида «быка», нагулял вес, как-то весь раздался, заматерел. Карие, влажные глаза, большие и красивые, смотрели нагло и твердо. «Вполне уверенный в себе бандит», – почему-то подумал, интуитивно весь подобравшись, Андрюха. Ростом он был пониже и массой пожиже, но неожиданно почувствовал, что, если придется сцепиться, он завалит Витьку. Он ощутил себя собранным, хладнокровным и готовым рассудочно применить то, чему учили на занятиях рукопашного боя.

Витек, усмехнувшись и как бы что-то уловив, с небрежной барственностью привычно и ловко угнездился на стуле напротив, картинно откинул руку назад, в которую бармен услужливо вставил фужер с коктейлем.

– Выпьешь? Это мое заведение, угощаю... Денис, два по сто коньячку! – отставляя стакан с коктейлем, приказал бармену.

– Выпить всегда можно... А вот угощать меня не надо! – положил на барную стойку две сотенные бумажки Андрюха, принимая рюмку с коньяком.

– Брось ломаться... можно подумать, в ментовке платят, как на фирме? – насмешливо заблестел красивыми глазами Витек.

– Нормально платят, – сухо отрезал Андрюха, – выпить хватит. – И еще раз оценивающе оглядел Витьку. Черные густые волосы с природным сильным блеском, словно налаченные, хорошо, тщательно стриженные с модным коком надо лбом; почти сросшиеся у переносья брови вразлет, тонкий, горбатый носыра, маслянистые глаза – Витек был не по-местному, экзотично красив. Проступала во всем его облике резкая, завершенная очерченность. Отец Витьки когда-то проработал с год ветврачом после сельхозинститута в совхозе. Был он откуда-то из Дагестана, звали его Алиаскер, или что-то в этом роде. Но в Романове он был просто Алик. Неугомонным и любвеобильным оказался Алик парнем. Стремительным всадником гонял он

по фермам на выделенном ему совхозом «Ижаке», пока не вынесла его горячее, страстное тело тяжелая, упрямая машина на одном из крутых поворотов на грудь собранных на меже валунов. Хоронить увезли его на родину. Романовцы искренне жалели, говорили «хороший был человек», многие девушки и женщины плакали. Особенно рыдала и убивалась по покойному доярка Файка Орешникова, пышногрудая и крепкозадая деваха, к тому времени ходившая уже с приличным животом. Большая охотница погулять, повеселиться родила Файка с тех пор еще двоих от разных ухажеров, но не унывала: «Советская власть всех на ноги поставит!» Но тут советская власть внезапно приказала долго жить, и пришлось Витьку с младшими братом и сестрой с ранних лет впрягаться в изнурительную борьбу за кусок хлеба. Ходили они втроем, оборванные и голодные, по селу, подрабатывали как могли у одиноких женщин и старух – кому грядки за сто рублей вскопают, кому дрова за двести переколют и приложат. После восьмого класса Романовской средней школы отправился Витек в город, в ПТУ, учиться на токаря. Но кому нужен был токарь в Иванграде, где к той поре все производства встали! Подрабатывал Витек кое-как в шиномонтажках и автосервисе. Кругом бандиты, обман и свирепая резня за деньги. Кончилось приобщение Витька к когда-то гордому классу пролетариев тем, что подался он к «пацанам», был замечен сборщиком «дани» на рынке, угодил в темную историю выбивания долгов с какого-то барыги посредством паяльника и получил пять лет колонии строгого режима. Это все доходило стороной до Андрюхи, так что в целом он про Витька кое-что знал.

– Когда откинулся-то? – спросил он Витька, пригубивая, не чокаясь с Витьком, рюмку.

– Да с полгода уже, – с вызовом сказал Витек, отхлебывая тоже из своего стаканчика, – а что?

– Ровным счетом ничего... просто спросил, – в сторону сказал Андрюха, внимательно еще раз оглядывая танцующих, – и сразу бизнес открыл... молодец.

– Я в твоих похвалах, мент, не нуждаюсь! – мгновенно ощерился Витек, – я за пять лет речей ваших поганых наслушался – вот вы где у меня! – провел он ладонью по горлу.

– А коньячок-то паленый, – принимался, усмехаясь, к рюмке Андрюха, – ванилькой отдает.

– Ну и работенка, даже на отдыхе все вынюхивать... легавые везде легавые, – парировал Витек, вглядываясь куда-то за спину Андрюхи. – Вот и Людок, красавица наша, пожаловала!

Наверное, Андрюха слишком поспешно оглянулся, наверное, с излишним интересом вгляделся в приостановившуюся у порога Людку с подружкой, наверное, слишком эффектна и заметна была Мальвина в узких в обтяжку джинсах и светлой рубашке, завязанной узлом на оголенном животе, что он залюбовался, не сумел скрыть свои чувства, и что не укрылось от Витька.

– Что, нравится? – ухмыльнулся Витек и наклонился ближе к Андрюхе. – Рекомендую... трахается, как зверь, на х... у юлой вертится... а как подмахивает! Не знаю, может, это у меня с ней с голодухи... Ты что делаешь?! Ты что творишь, сучара?! – внезапно выпучил от ужаса и боли глаза Витек, ломая зажатую в руке рюмку.

– Умолкни, гнида! – страшным шепотом, не помня себя, зашелся Андрюха, с силой вдавливая кулаком причинное место Витька в упругую, дерматиновую подушку барного стула. И только когда Витек, нехорошо побледнев, стал хватать воздух ртом, Андрюха отдернул руку.

– Андрюш, ты куда? Что с тобой? – жалобно пискнула Людка, когда Андрюха с перекошенным от злости лицом, брезгливо вытирая кулак о штанину, решительно двинулся к выходу.

– Отвяжись! – кажется, оттолкнул он Людку и выскочил на воздух.

То, что напohaбничал ему Витек, было так похоже на правду, было так близко к тому, что он сам испытал с Мальвиной, что ему казалось невозможным, что она могла так же щедро и бурно раздавать себя другому. Этого не могло быть! Так не бывает! Она же не машина! Но эти подробности... их придумать нельзя. «Тварь! Дешевая тварь!» – бесконечно повторял Андрюха, шатаясь бесцельно до утра по деревне.

Глава 3

Утром в воскресенье Виталик залеживаться не стал. Хотя вечером после бани, разнежившись, пообещал Томке, что завтра работать не будет, а будет весь день отдыхать. «Ты бы поберег себя, отец, не все чертоломить», – ласковым, медовым голоском баюкала Томка, смазывая зашибленное ухо какой-то противовоспалительной мазью и для пущего эффекта подкладывая под бинт, налагаемый на больное место, листья подорожника. Ее мягкие пальчики, почему-то со временем совсем не огрубевшие от ежедневной, деревенской работы, проворными барашками прыгали вслед за бинтом вокруг головы Виталика. Сердце Виталика таяло от благодарного чувства к жене, и он покорно, молчаливыми кивками головы, соглашался, что нужно отдохнуть. Но думал он только о том, как поведет себя на лугу навесная косилка, которую давно уже нужно было менять. Но она стоила денег, а лишних денег у Виталика после покупки сыну машины не было. Да и трактор, похоже, свое отработал, размышлял Виталик, тридцать лет... так, говорят, работает только японская техника... движок надо перебирать, на ходу глохнуть стал. А когда этим заниматься? В сенокос? Кто ж так делает! И Виталику не терпелось поскорее начать, врезаться в круговерть сенокоса, забыть проблемы. А там посмотрим, а там, если что-то пойдет не так, по ходу решим, выкрутимся, придумаем...

И потому, несмотря на вчерашнее согласие отдохнуть «хотя бы в воскресенье», Виталик, как заведенный, вскочил в половине пятого, размотал бинт на голове – ухо, кажется, прошло, не саднило, опухоль начала спадать; подоил и выгнал коров в стадо, выпустил овец, успокоил зашевелившуюся в постели Томку, что «уже выспался... не спится», попил парного молочка и с нескрываемым удовольствием завел стоявший на задворках трактор...

Косить он начал по отлогому, просторному склону неглубокого, с пересыхающим летом ручьем и небольшими болотистыми бочажинами оврага, километрах в двух от Романова. Это были когда-то самые удобные, самые лакомые покосы в окрестностях села. Рядом с домом и сено на солнечных покатах угорах выходило всегда необыкновенно душистое от зрелого разнотравья, плотное и тяжелое. Когда-то за делянки здесь, как рассказывали, романовские мужики крепко и с остервенением бились. Теперь они и даром никому не были нужны. Виталик уже лет пятнадцать здесь косил, и все свыклись с мыслью, что это Смирнова угодья. Да если бы кто-то заехал и другой, Виталик не стал бы возражать, травы хватило бы всем. Но те, кто держали скотину, предпочитали заготавливать сено еще ближе к селу, на одичавших, бывших клеверных, совхозных полях. И Виталик тоже больше по привычке обкашивал в овраге самые лучшие, ровные участки, а затем переезжал на давно облюбованное им поле у соседней Хорьковки.

Трактор работал легко, без напряжения, Виталик остро прислушивался к движку, радовался, от удовольствия даже перевернул бейсболку козырьком назад. Правда, жарковато становилось и начали доставать слепни, набивались в кабинку, ошалело летали, бились о лобовое стекло. Виталик их периодически гонял бейсболкой. На ходу, правда, они не кусали, больше надоедали. Старая косилка работала тоже сносно. Тьфу, тьфу! Острые, стальные зубцы без шума и скрипа беспощадно врезались в плотную, густую траву, подрезали ее, оставляя после себя пахучую, изумрудную дорожку скошенной травы. Виталик похвалил себя, что не поленился, капитально смазал косилку на зиму солидолом. И вот, не работа, а загляденье! Прикидывал, что при такой погоде уже к вечеру можно будет приехать с Томкой разбить, пошевелить валки, а завтра сгребать в копны. Пожалел, что Андрюха после обеда уедет к себе, а вот Маринку вообще не отпустили на выходные с работы. Подумал, суетная работенка у нее, сплошные отчеты, бумажки, без выходных-проходных, можно подумать министерство, а всего-то какой-то районный хлебозавод, а сколько канители в бухгалтерии, сколько соков хозяева отжимают из работников... все деньги прячут, от налогов уходят, когда же нажрется!

Виталик работал уже несколько часов кряду, кружил с косилкой по склону оврага, так что начала ныть и постанывать занемевшая от неудобной позы спина, когда на другой стороне оврага на свое поле выехал валить клевер Бяка. На красном, новеньком, поблескивающем свежей краской «Беларусе», с мощной роторной косилкой – «И где только деньги люди берут!» – Бяка уверенно зашел на высокие, густые чащи зеленовато-коричневого, с редкими розовыми шапочками, начинающего осыпаться клевера. Его трактор работал как бы без выхлопа, ни одного темного дымка над трубой – Толик перевел взгляд на свою чадающую керосинку – «Эх!». Роторная косилка Бяки без зажевываний, играючи забирала жесткие стебли перезрелого клевера и словно бритвой срезала под корешок – «Нам бы такую!». И еще Виталик вспомнил, что, как тут недавно ему рассказывали, Бяка прикупил по весне пресс-подборщик и какую-то машину с замысловатым названием для очистки полей от подлеска.

Обычно, обкашивая свои делянки, Виталик задавался целью где-то к полудню делать перекур напротив родника на противоположной высокой стороне оврага. Родник, сколько помнил Виталик, всегда пульсировал здесь упругими, светлыми клубами хрустальной воды, словно ритмично работало в недрах земли чье-то невидимое, неустанное сердце. В прежние времена ключ каждое лето углубляли, расширяли лопатами, забирали в просторный деревянный сруб, так что образовывалось небольшое озерцо, где в холодной, никогда не прогреваемой солнцем воде хранились до отправки на молокозавод бидоны молока от полуденной дойки совхозного стада. Молоко не скисало сутками. Случалось, мальчишки в жаркие дни, если проходили мимо, окунались и даже пробовали плавать в родниковой заводи. Но обычно пулей через минуту-другую вылетали из воды, долго стучали от холода зубами, яростно растирались майками и рубашками.

«И ведь не болели!» – как всегда, машинально подумал Виталик, останавливая трактор напротив ключа. «Закаленные были, ничего не брало... весь день на воздухе, и зимой и летом... как быстро пролетело все...» – размышлял он, пробираясь к роднику по дну оврага среди зарослей ивняка, душиных, остро и приторно пахнущих дебрей сныти, коричневых султанов рогозы.

У родника он разделся по пояс, намочил руку, присев на корточки, в ледяной воде, пошлепал ею по начинающей лысеть с затылка голове, осторожно потрогал ухо – кажется, совсем прошло! – напился из пригоршни и решительно обмыл лицо, шею, грудь ключевой водой. Растерся рубашкой, тело запольхало жаром и свежестью. «Вот потому и не болели», – снова подумал Виталик о пользе закаливания, вспоминая неясно и мимолетно о детстве... А когда оделся и присел на крутой склон оврага, вбивая для упора каблучки ботинок в землю, мысли его сразу стали заняты главным и привычным – где разжиться деньгами на новую технику? Может, и в самом деле в фермеры податься? Говорят, им кредиты стали давать... Тут надо бы с Бякой поговорить... Но ведь никогда правду не скажет, шельмец, думал с легким раздражением Виталик, прислушиваясь к чистому, мощному гудению Бякиного трактора, равномерно, без натуги, то приближающегося к оврагу, то уходящего далеко в поле. Несколько раз Виталика подмывало подняться наверх, остановить под каким-нибудь благовидным предлогом Бяку, поговорить. Но какое-то чувство гордыни не пускало его. И он, пожевав в задумчивости травинку, собрался уже уходить. Внезапно Бяка, словно угадав его желания, остановился где-то неподалеку. Виталик услышал, как он выпрыгнул из кабинки на землю и, шумно разрывая цепкую, густую траву ногами, направился к оврагу.

– Не пересох еще ключик? Хватит пить? – крикнул Бяка сверху и, скользя подошвами сапог, хватаясь руками за высокие, жилистые стебли желтеющей пижмы, стал боком, выставляя ногу вперед, спускаться к роднику. – Ну и жарища сегодня! – вприпрыжку подскочил к Виталику и с разбега звучно поздоровался за руку. – Я смотрю, ты здесь с самого ранья, уже на корову, поди, наваял... Я тоже хотел пораньше, но вчера были гости из города, поддали крепенько, с утра еле раскачался. – Бяка опустил на колено, зачерпнул кепкой воду из

родника и стал, булькая горлом, торопливо и жадно пить. Напившись, он умыл лицо, отжал кепку и нахлобучил ее, мокрую, на заросшую густым, диким волосом давно не стриженную голову. – Завтра, если такая погода постоит, уже можно будет сено прессовать, – сказал Бяка, поглядывая на небо.

– Это смотря кто... прессовать... – осторожно ответил Виталик, глядя в землю. Он обдумывал, как половчее подъехать к Бяке с назревшим, деликатным разговором, если тот сам в руки просится.

– Что, неужели все по старинке с граблями и вилами по лугам бегаешь? – насмешливо спросил глаза с желтыми белками Бяка.

«Пьет, капитально пьет», – подумал Виталик, пристально посмотрев снизу на Бяку, отметив и желтизну глаз, и серую, с трехдневной щетиной, нездорово натянутую на скулах кожу исхудалого, не по возрасту в обильных морщинах Бякиного лица.

– Да как-то все никак на пресс-подборщик не скоплю... вот и приходится с граблями и вилами... – вынужденно миролюбиво пробормотал Виталик, проглатывая обиду. – Кстати, по чем они сейчас? Ты, я слышал, новый купил?

– Новые по сто тридцать тысяч и выше, – покровительственно сказал Бяка, машинально ощупывая рукой склон и усаживаясь поудобнее рядом с Виталиком, – подержанный можно подыскать и за тридцать-сорок... набери в Интернете, там чего только нет.

– В Интернете... – с непонятной обидой хмыкнул Виталик. «Тебе бы наши заботы», – подумал.

– Скажешь, и Интернета у тебя нет?! – с издевкой сказал Бяка.

– А у тебя есть?! – огрызнулся Виталик.

– Есть... давно уже от школы оптоволоконный кабель домой провел. Пора уже от лучины, Виталик, отрываться, – похлопал Бяка Виталика по плечу. – Интернет – великое дело, очень полезная штука... я по Интернету хоть каждый день с главой района могу связываться! – Вдруг вырвалось у него. – По телефону или на прием там хрен добьешься, а по Интернету письмишко на его электронный адрес бросил, глядишь, через день-два помощник его тебе уже ответ начинил.

Виталик с интересом посмотрел на Бяку:

– А с какого перепугу он тебе отвечать станет?

– Их обявляют реагировать, так сказать, на нужды трудящимся... – усмехнулся Бяка, – в Интернете никаких бланков, официальных подписей, отбрехался через помощника, кто там чего проверять будет... А потом, таких как я, нас всего двое в районе, хочешь не хочешь – особое отношение...

– Что, всего два фермера на весь район? – напрягся (что-то забрезжило полезное в разговоре) Виталик.

– Когда делили паи, нарисовалось сразу где-то под сотню... думали, главное, землю взять, – задумчиво, с сухим треском потер небритый подбородок Бяка, – а потом – налоги, тарифы, цены, техника... сам знаешь... За двадцать лет все разорились. Барахтаемся вот пока – я, да еще один мужик из бывшего «Дубеневского» совхоза... – вяло уточнил Бяка.

– Барахтаетесь... ну, тебе-то грех жаловаться... вон у тебя... каждому бы так, – потыкал большим пальцем через плечо Виталик в сторону поля.

– Э, брат, не завидуй, – усмешливо сузил глаза Бяка, – если тебе рассказать, как это все достается... Но лучше не будем! – хлопнул он себя ладонями по коленам и сделал попытку встать.

Виталик понял – или сейчас, или никогда.

– Миш, – вдруг доверительно и проникновенно, чувствуя, что следует подпустить «слезу», заговорил он, – а я хочу в фермеры податься! Торговать молоком и сметаной по дачам – это ничего, но все-таки не то... не догоняю, понимаешь? – не догоняю и все тут! Тити-

мити... – пошуршал пальцами в воздухе Виталик. – Трактор еще совхозный, надо менять... какую-то новую технику купить тоже невозможно. Не все же с граблями и вилами, в самом деле, по лугам бегать! Детям что-то пора приобрести – у обоих ни кола ни двора! А тут, может, какие кредиты дадут... У нас с Томкой и с родителями двадцать пять гектаров паевых есть. Выделимся, зерновыми займусь, стадо заведу, глядишь, копейка серьезная появиться... Что-то надо делать! Вот ты хоть и говоришь, что трудно, но что-то у тебя выгорает – трактор вон новый, пресс-подборщик, новая косилка, этот, как его, мульчер... поля чистить, ведь лес везде поголовный прет... Но это надо было все как-то приобрести! Значит, можно! Вот я и думаю, может, и мне рискнуть?!

Бяка молча, насупившись, сгреб пятерней кепку с головы и отбросил в сторону, расстегнул молнию, снял байковую ветровку с капюшоном. Кисло пахло застарелым потом, несвежим бельем. Остался в одной вылинявшей, грязно-серой футболке.

– Меня на следующий день после пьянки стало часто в пот бросать. Вот так вдруг прошибет, что хоть майку выжимай. Не знаешь, почему это? – сказал неожиданно Бяка, утираясь внутренней стороной ветровки. – Я слышал – от сердца...

– Да просто жара сегодня, – поспешил успокоить Бяку Виталик, хотя ему показалось, что Бяка вдруг как-то излишне побледнел, – а ты оделся как на Северный полюс... охлонись вон лучше из родничка.

– Пожалуй, ты прав, – с раскачкой приподнялся с земли Бяка. У родника он, широко, по-бабьи расставив ноги, наклонился и с чувством, сильно, почти втирая воду, умыл одной рукой лицо, намочил голову и шею.

– Враз полегло! – оторвался от родника и, повернувшись лицом к Виталику, пристально оглядел его, как бы к чему-то примериваясь. – А все-таки с сердцем что-то не то, то стучит и стреляет, как тракторный пускач, то обмирает, как курица под топором... – Последние слова были сказаны Бякой словно в дополнение к какому-то непростому, внутреннему диалогу с собой.

– Проверится надо, – машинально сказал Виталик, чувствуя приближающуюся развязку.

– Вот что, земля! – выпрямился медленно Бяка. – Я тебе по-дружески, откровенно, как мужик мужику скажу – не суйся ты в это дело, в это фермерство гребаное! Живешь спокойно, не голодаешь – ну и живи! А дети? Что дети? Дети у тебя выросли, пристроены мало-мальски... пусть ипотеку берут...

– Ну, ты скажешь тоже... ипотеку! Ипотека – это на всю жизнь хомут... две квартиры, говорят, в итоге выплачивать приходится, – промямлил растерянно Виталик. Слова Бяки явно озадачили его.

– Смешной ты человек, – заулыбался Бяка, подходя ближе к Виталику, – а кредиты, о которых ты мечтаешь, если фермером станешь, они тебе что, за просто так будут даваться? Их тоже, как и ипотеку, возвращать с процентами надо!

– Говорят, начинающим есть льготные какие-то...

– «Говорят, начинающим...» – передразнил Бяка, – минимально под десять процентов, вот тебе и все льготы! А дальше сам думай, крутись, выворачивайся наизнанку, как их вернуть...

– А ты... ты как же? – мягко, боясь спугнуть момент, задал свой главный вопрос Виталик.

– Что я? – неопределенно пожал плечами Бяка и снова долго, как бы что-то прикидывая, рассматривал Виталика. – Я в говне по самую макушку... – медленно сказал Бяка и снова замолчал. Виталик, трепеща, впился в него взглядом.

Запутался я в этих кредитах, век бы их не видать, – продолжил неожиданно, словно на что-то решившись, Бяка, – берешь новый, прикрываешь старый, потом снова берешь, закрываешь предыдущий... и так до бесконечности. Живу в долг и каждый день жду, когда этот

пузырь лопнет... надоело... скорей бы обанкротиться – все какая-то ясность! Но и этого сделать не дадут... – засмеялся натянуто Бяка, показывая отсутствие передних зубов.

– Почему это... не дадут? – вильнул глазками Виталик.

– А я для них дойная корова, – насмешливо посмотрел на Виталика Бяка, – сорок процентов с каждого кредита наверх отдаю! Представляешь, миллион они мне, допустим, оформляют, а я им четыреста тысяч обратно в конвертике возвращаю... Так кто ж такой несущке голову будет рубить?! Вот они меня и подсаживают, как какого-нибудь наркомана на иглу, на кредиты... Виталия, друг сердечный! Это паутина! – морщась и растирая рукой левую часть груди, начал вдруг говорить что-то ужасное Бяка. – Липкая, грязная паутина! Лучше не попадать в нее! И техника у меня не моя – вся она в лизинге! Не завидуй!.. И вообще, запутался я в мутных схемах с этими жуликами по самое некуда! Поэтому и тебе не советую лезть в это говно! Живи спокойно, радуйся, что никому ничего не должен, что сам по себе и что ни одна сволочь не держит тебя на крючке! – Бяка поднял кепку с земли, оббил ее о колено и, зажав вместе с ветровкой в руке, не прощаясь, стал зло и решительно, как показалось Виталику, постанывая, карабкаться вверх по склону оврага.

После разговора с Бякой что-то в душе у Виталика разладилось. Были упования пусть неясные, но какие-то надежды на изменения в лучшую сторону чего-то главного в жизни. Снова всплыли в сознании забытые было грезы о собственном каменном доме. Но Бяка пролил в душу неуверенность и сомнение. Может, действительно не надо ничего менять? Вроде все есть, все сыты, одеты, обуты. Погонишься за большим, не потеряешь ли то малое, что есть, что вот оно, как говорится, в руках? Не случайно же все эти фермеры разоряются? А то, что Бяка рассказал о себе? Жуть, страшно становится.

Виталик так раздумался, разволновался, что не заметил в траве россыпь мелких, острых камней. И откуда они только берутся! Виталик каждый покос чистил от них овраг, но они маниакально, как драконовы зубы, лезли и лезли всякий год из земли... Стальные, натертые до блеска травой ножи косилки искристо царапнули камни, заскрежетали, вздыбились, начали с хрустом ломаться, словно стеклянные. Виталик чертыхнулся, остановил трактор, дал задний ход. Но было уже поздно, косилку заклинило намертво. «Теперь до вечера ножи меняй! Только бы Андрюха не уехал, вдвоем управимся быстрее!» – Виталик возбужденно погнал трактор в деревню.

Было уже около пяти пополудни. Установилось полное безветрие. Солнце палило немилосердно. Виталик обливался потом, задыхался от зноя и пыли, трясясь в раскаленной кабинке на ухабах по дороге домой. Мутило – с утра ничего не ел, злился, что не нашлось в тракторе пустой бутылки, набрать воды в роднике, что ничего не взял утром перекусить, что не углядел с косилкой... доставалось мысленно и Бяке: «Зажрался! Все ему не так! Да еще пугает!..»

Как не гнал, не спешил, сына дома все-таки не застал.

– С полчаса как уехал, – сказала Томка, взглядываясь в лицо мужа. – Андрей весь день был мрачнее тучи, ты вон тоже какой-то недовольный... Что с вами сегодня? Давай-ка я покормлю тебя, – понимающе добавила она, – а потом полежи, отдохни... И что тебя погнало с утра, завтра бы с сеном начал... а сегодня с Андреем пообщался бы, не то что-то с ним, чувствую, – заканючила Томка и осеклась, заметив, как раздраженно стал морщиться Виталик.

– Может, подрался с кем... п... лей получил, – грубо сказал Виталик, все еще недовольный, что сын уехал раньше обычного, и потрогал зашибленное ухо.

– Да нет, не похоже, что-то другое... – задумчиво проследила Томка за рукой мужа, – а ухо у тебя, я смотрю, совсем спало...

– Слава богу, – уже ласковее отозвался Виталик, – да вот как назло на покосе Бяку встретил, а потом косилка полетела, на камни напоролся... Как проморгал?! И все Бяка со своей трепотней... расстроил меня...

Томка сделала вид, что пропустила про Бяку мимо ушей, достала из холодильника початую бутылку самогона, холодную, зажаренную с утра в духовке курицу, банку малосольных огурцов.

– И что теперь? Косилку новую покупать? – сочувственно посмотрела на мужа.

Виталик выпил рюмку, закусил огурцом, набросился на курицу, раздирая ее руками.

– Да сделаю, там всего-то ножевое полотно поменять, – невнятно заурчал он с набитым ртом, – с Андрюхой, конечно, повеселее бы... но ничего, сам управлюсь... Говоришь, расстроенный уехал?

– Весь день был какой-то смурной, – долго вытирала руки Томка кухонным полотенцем, неожиданно добавила: – Мне передавали, вчера он подхватил у автостанции в городе Людку Демьянову...

– Ну и что? – недовольно покосился Виталик, вспомнив вчерашнюю историю с Генкой.

– Вот и то! – вырвалось раздраженно у Томки. – Люди-то заметили, тронулись они от автостанции вместе с автобусом в час, а домой-то он приехал где-то в начале девятого...

Виталик пожал плечами, потянулся было к бутылке, но передумал – пьяным работать не любил, а вечером он твердо наметил косилку починить.

– Нормально... покатал девку, – ухмыльнулся, – дело молодое.

– Да как сказать, – многозначительно сказала Томка. – Говорят, она весной с Витькой Орешниковым путалась, когда он вышел из тюрьмы.

– Говорят, говорят... все у вас говорят, – нахмурился Виталик, почувствовав, как недобро екнуло сердце. И налил все-таки вторую рюмку. Выпил, долго и сосредоточенно хрустел огурцом. Томка терпеливо переминалась у стола.

– Ну а приехал-то он вчера... ничего? – спросил Виталик, твердо и решительно завинчивая бутылку.

– Веселый, в настроении... – вздохнула Томка, – ну, ты же его сам в бане видел...

– Значит, что-то там, в клубе, приключилось... – забарабанил пальцами по столу Виталик, – я ему говорил, нечего там делать... лучше бы лег пораньше, а с утра сено со мной поехал косить... глядишь бы, я с Бякой не заболтался, косилка была бы цела... эх! – махнул рукой. – Приедет в субботу, поговорю! – Виталик решительно поднялся. Постоял, подумал и зачем-то добавил: – Ну а что касается Людки и этого... как его, Витька Орешникова, то со свечкой мы там не стояли... а у нашего должна быть башка на плечах, не маленький уже...

Томка покачала головой:

– Не маленький, конечно, но неопытный еще... сейчас девки вон какие... да этот тюремный тут... говорят, бандит отпетый! – разволновалась неожиданно она.

– Ладно, ладно – разберемся, – досадливо морщась, попытался успокоить жену Виталик, – приедет, все узнаем! Главное, без нервов... а то напридумываешь ты вечно!.. Лучше послушай, что Бяка баит, – свернул неприятный разговор Виталик, снова усаживаясь за стол.

– Да как же иначе... сердце болит, – часто заморгала бирюзовыми глазками Томка и, виновато улыбаясь, задвигала табуреткой присесть.

Виталик в подробностях передал разговор с Бякой в овраге.

– Даже не знаю, что тут и сказать... – задумалась, выслушав мужа, Томка. – Конечно, у каждого сегодня жизнь не сахар, но получается-то пока – Бяка лучше всех в Романове живет и что-то, похоже, не спешит фермерство бросать.

– Говорит, скорей бы обанкротиться, кредит кредитом покрывает, как белка в колесе! – торопливо вставил Виталик.

– Это все они так говорят, у кого свое дело... ноют и жалуются, – рассудительно сказала Томка, – только добровольно никто еще от этого куска хлеба не отказывался. Жадные, хитрые... и соперников боятся.

– Ты куда это клонишь, не пойму что-то! – искренне удивился Виталик.

– Да как сказать, – внимательно посмотрела на мужа Томка, – пока он тут в округе один фермер, все кредиты его, а появишься еще кто-то – уже на двоих делить надо.

– Ну ты и скажешь! – подскочил Виталик на месте. – Как это... конкуренции боится?! Поэтому и запугивал, значит! – С нескрываемым интересом посмотрел на жену: «Век живи, век учись», и почему-то вспомнил, что идея с фермерством принадлежала Томке. – Не знаю, – пожал плечами, – мне показалось, Бяка от души говорил, без подлянки...

– Может, оно и так, – сказала Томка со вздохом, – тут подумать надо, нас же никто не гонит...

– С работой-то я справлюсь, – как-то виновато заговорил Виталик, – но вот этот шахер-махер с начальством... сорок процентов отдай... не мое это... – Виталик подвигал что-то от себя руками в воздухе.

– Не говори, отец, – понизила голос Томка, – страшно связываться с ними, потом век не выпутаешься... тут Бяка точно не врет. – Она помолчала: – Ну и не надо вязаться... без их кредитов жили и дальше проживем! – Томка неожиданно поднялась, притянула Виталика к себе и поцеловала, поглаживая по волосам, как маленького ребенка, в голову. У Виталика от умиления защипало в глазах.

Глава 4

Давным-давно, еще на заре новой, демократической, власти, когда на короткий период неожиданно прихлынули в деревню частникам щедрые, безвозмездные кредиты от государства, Бяка не сплеховал, взял свое и выстроил просторный, с размахом, каменный дом за околицей, на холме, поближе к лесу, где рядом, сразу от опушки начиналось его поле. Красивое место выбрал Бяка для жительства, привольное. Дали необъятные убежали от окна, синели в дымке леса на горизонте... Поэтом бы родиться Бяке! И всегда было здесь сухо и чисто. Не как в самом Романове, где весну и осень увязали в грязи. Что тоже учел Бяка, когда выбирал место под будущий дом. Приусадебный участок он прирезал к кромке поля, так что на деле вышло, что он хитро расширил свои владения где-то еще на гектар. Все делал с умом, продуманно и надежно Бяка. Дом разделил для удобства капитальной стеной на две половины: зимнюю и летнюю. Кочевал с постелью из духоты в холодок и обратно. Полы настелил двойные, с толстым слоем керамзита между половицами – зимой хоть босиком ходи, не застудишься. Рамы вставил дубовые, которые ни одна сырость не перекашивает, вечные. Мансарду для будущих внучат утеплил поролоном и обшил вагонкой, а затем проолифил и покрыл лаком. Получилась на чердаке уютная, сверкающая чистотой и опрятностью светелка.

Приусадебный участок Бяка разделил на три части. В первой, рядом с домом, всегда солнечной поляне, специально без единого деревца, разбил огород. Тут росли только овощи и полезные кусты – смородина, малина, крыжовник, бузина вдоль забора от грызунов и вредителей. Во второй посадил яблоневый сад с беседкой посередине, с вишенником по периметру, в котором живописно «утопил» баньку. В третьей части, с березовой аллеей на выезде, разместил хозблок – увитый диким хмелем, чтобы запах отшибало, двор для скота и сарай для сена; рядом, как он говорил, «кормозапарочный цех» с двумя огромными котлами, вмазанными в печку, в которых с утра до вечера булькало и варилось в облаках теплого, белого пара месиво из комбикорма и картошки для свиней, настаивалось пойло для коров; сзади кормозапарника – оббитый шиферными листами навес для техники; в углу участка, на отшибе, – отапливаемая, с печкой, избушка-слесарня с инструментом, токарным станком, купленным за копейки еще у совхоза, за которым Бяка наловчился вытачивать болты и гайки, и самые необходимые железки по хозяйству – от дверных крючков до массивных навесных запоров для сараев и пристроек.

Все это сложное и непростое хозяйство вместе с домом Бяке удалось выстроить и наладить за какие-то два-три года после обвала советской власти, когда еще живы были в Романове рукастые и не сребролюбивые, старой закалки мужики, готовые за ящик водки и скромное угощение, за «здорово живешь», так сказать, поднять и справный дом за лето и баньку с пунькой стгоношить. Правда, на угощение Бяка не скупился, подтягивал ежедневно из города спирт «Рояль» багажниками на «Москвиче», нарезал горы дешевой, вареной колбасы, не жадничая, выставлял просроченную, гуманитарную тушенку из Европы, тазами варил скользкие, рыхлые «ножки Буша». Иногда шелестел, но уже скупее, «гайдаровками» с многочисленными нулями, выдавал, когда мужики уже изрядно накачивались и радовались, как дети, «живым» деньгам, которые они видели в победно шагающей рыночной стихии все реже и реже. Что они доносили до дома, одному богу известно. Поговаривали, что Бяка как отдавал, так аккуратно и забирал у наиболее захмелевших.

Подфартило Бяке тогда с мужиками, крупно подфартило. Через пять лет эти чуткие и отзывчивые на чужую нужду люди, добрые, наивные, человеколюбивые «совки», вдруг начали дружно вымирать. Умирили они от водки, от этой дешевой, удивительно доступной, морем разлитым нахлынувшей «паленой», ядовитой гадости; от тоски и непонимания, что с ними происходит, от своей ненужности и бесполезности... Умирили десятками, не дожив год-два до пенсионного возраста. Когда Бяка обнаруживал, что достроить, допустим, сеник некого

было уже и позвать, он начинал не без странного удовлетворения думать, что со своей грандиозной стройкой он успел как-то удивительно вовремя и ловко проскочить, что ему в каком-то смысле повезло... Проскочить он успел и с деньгами. Осторожное, хитрое, тороватое районное начальство, сплошь из прежних коммунистов, только начинало входить во вкус освоения увесистого государственного пирога и поначалу оглядливо отгрызало от кредитов Бяке всего лишь пять-семь процентов. Это уже потом, лет через десять они установили твердую планку в сорок процентов, а тогда еще пугливо скромничали и оставляли Бяке, завистливо облизываясь, приличные суммы. Бяка зажил тогда на широкую ногу, вольным помещиком. Рожью он заниматься бросил – не выгодно стало, засеял поле клевером – возни меньше, развел коров и свиней. Правда, с тех пор его хозяйство прозвали Свинячьим хутором. Бяка на это обижался, поскольку считал себя образцовым хозяином, чистоплотным и аккуратным, не то что некоторые, вот уж действительно, живущие «как свиньи». И ведь действительно имел на это право, если по совести сказать. Дом его благодаря стараниям жены Райки, сухопарой, не знающей усталости в работе, энергичной, суровой молчунье, светился чистотой и опрятностью. Перед домом, со стороны села, Бяка разбил цветник, высадил вдоль грунтовки до большака голубые ели. Он даже мусор регулярно вывозил на тракторной тележке в заброшенный песчаный карьер. Поэтому, чья бы корова мычала...

В новом доме родилась дочь Тонька. Долгожданный ребенок, Райка долго не могла понести. Обнадеженный Бяка начал мечтать о наследнике. Но внезапно Райка умерла. В мглистый, ноябрьский день, с ледяным северным ветром, разогретая в кормозапарнике до пота, она в одном халате привычно сновала с ведрами на скотный двор и обратно. Ночью запольхала от высокой температуры, стала бредить. Через два дня преставилась в районной больнице от крупозного воспаления легких. «Странно, – говорил потом Бяка, – от воспаления легких сейчас не умирают». Но жена умерла. И с этого рокового события начался совсем другой отсчет времени в жизни Бяки.

Дом, двор, огород, сад вдруг начали зарастать грязью, сорной травой, мусором, превращаться действительно в Свинячий хутор. Бяка пробовал сопротивляться накатывающему запустению. Бросался по утрам в огороде на сорняки, обкашивал сад и проулки между сараями, старался подмести в доме, помыть посуду хотя бы для Тоньки, устроить постирушки. Но его одного на все явно не хватало. Сад за лето зарастал густой, негодной травой, от которой коровы отворачивались; к хозяйственным постройкам торились едва заметные тропинки; у крыльца незаметно образовалась помойка; в доме за свалками нестиранного, затхлого тряпья заметно сжалось пространство, поубавилось света. Тонька подрастала. Поначалу Бяка смотрел на нее с надеждой. Но девочка росла вялой, замкнутой, безразличной ко всему тихоней. Она даже в куклы не играла. Обычно днями одиноко просиживала у окна, рассеянно смотрела куда-то в сторону села, в небо, вычерчивала слабым пальчиком на стекле какие-то, ведомые только ей вензеля и значки. «По матери тоскует», – думал Бяка и подходил к дочери, жалостливо гладил по головке. От его прикосновения девочка вздрагивала и ежилась. Бяка в такие минуты терялся и, не зная, что сказать дочери, вздыхал и молча уходил из комнаты. «Жениться бы надо, – размышлял он тоскливо, – мать ей, конечно, не заменишь, но вот если бы попалась добрая и работающая...» Но такой женщины не подворачивалось. Сошелся было Бяка с «новой русской» в Романове, владелицей магазина Надькой Карасевой. Полгода похаживал к ней по вечерам. Надька была разведенная, тоже одна поднимала сына. Была аккуратная, чистоплотная, водкой и мужиками не баловалась. Лет с двадцати начала работать продавщицей в Романовском сельпо, нагло не обсчитывала, ну, если только по копеечке, по две с пьяненького какого или подслеповатой старушки. Приторговывала, говорят, среди своих по ночам водкой, по рублю сверху. Деньги на книжку не клала, покупала золото в Москве. Так что было на что открыть свою лавочку при буржуйской власти. И собой была Надька вполне ничего, Бяке нравилось ее не расплывшееся к сорока годам, по-девичьи собранное тело, ухоженные, всегда пахнущие

чем-то приятным волосы, милое, с правильными чертами лицо... Симпатичная была женщина Надька, по всему подходила, и можно было подумать и о дальнейшем, но уж очень скупа и торовата оказалась. Бяка сам был не из щедрых, деньги любил попридержать, тратился всегда с неохотой. Но с Надькой был особый случай. Она даже на свидании, пред тем как лечь с Бякой в постель, налив ему рюмочку с наперсток, внимательно проглядывала на просвет, на сколько поубавилось в бутылке, и отрезала закусить строго дозированный, единственный кусочек колбаски. В разговорах аккуратно выведывала, на кого у Бяки записан дом, и если он женится, то что перепадет жене. «Заморит голодом, меня и Тоньку отравит, дом и все хозяйство перепишет на себя с сыном», – решил однажды Бяка и порвал с Надькой навсегда.

Случались у него потом и после Надьки связи с женщинами, но носили они характер эпизодический и недолговременный, так, когда совсем уж было без бабы невоготу... К пятидесяти годам Бяка отчаялся второй раз жениться, заматерел, космато, по-звериному зарос, потерял половину зубов, приобрел навсегда запущенный, неряшливый вид, стал попивать. Тонька выросла, с трудом закончила десять классов в Романове, учиться никуда дальше не пошла, так и осталась с отцом на Свинячьем хуторе. К двадцати годам стала не по летам заплывать жирком, раздаваться на глазах, превращаться в широкозадую, толстоногую, круглолицую бабищу. К хозяйству была постыдно равнодушна – не допросишься ведра свиньям вынести, на ходу, что называется, спала, любила жареную картошку на подсолнечном масле – съедала сковородками, и часами бестрепетно вглядывалась, как в детстве в окно, в телевизор. «Ну ты бы хоть в доме приборку сделала, живем, как в хлеву, – пробовал иногда наставлять дочь Бяка, – ты посмотри, в чем ходишь, хуже тракториста!» Тонька нехотя отрывалась от телевизора, равнодушно смотрела на отца: «Ладно, снимай рубаху, постираю». «Э, черт! – закипал Бяка. – Рубаху я и сам постираю! Ты себя обиходи, порядок во всем наведи! Кому ты будешь нужна такая грязнуха!» «Да найдутся охочие, – усмехалась Тонька, – я, вона, богатая невеста...» «Охочие... богатая невеста... тебя, дуру, и за деньги никто не возьмет!» – в раздражении выбежал Бяка из дома. «И в кого она такая?! – нервно ерошил он буро-седую, густую волосню на голове, остывая на лавочке у крыльца. – Вот Райка была – огонь!» – с тоской вспоминал покойную жену, в который раз растравливая себя мыслью, что замены ей, видно, никогда уже не будет.

Но тут неожиданно и «замена», и «охочие» вдруг нашлись... Года три назад на хутор к нему прибилась вывезенная из Москвы семья. Вернее, мать с сыном. Тогда многих горемык из столицы, отбирая у них квартиры, московские жулики рассовывали по деревням, в полузаброшенные, купленные за бесценок хибары. Были это в основном люди пьющие, ослабленные, не способные ни к какому сопротивлению стервятникам капиталистической эры. «Новые высланные», как окрестили их в Романове, были из их числа. Мать – Таисия, в прошлом, как она рассказывала, инженер-технолог какого-то НИИ, и в деревне несла последние гроши в магазин к Надьке Карасевой за паленую водку. Хотя ее сын – Игорек, худой, остролицый, невысокий паренек лет двадцати с нерабочей, полувывсохшей левой рукой, не был замечен в особом пристрастии к выпивке. В Романове их жалели, сразу приняли, отнеслись как к несчастным, обобраным до нитки нехорошими людьми на большой дороге. В первое лето, когда пара крепких, коротко стриженных «бычков» грубо десантировала мать и сына из «рафика» с немудреным скарбом на лужайку перед раскуроченным «финским» домиком – «Вот ваша новая квартира!», помогала им обжиться и не умереть с голоду вся деревня. Соседские мужики из подручного материала перестелили в домике сгнившие полы, застеклили окна, переложили провалившуюся печь. В зиму сердобольные романовцы нанесли бедолагам картошки, муки, круп, банок с маринованными огурцами. Помогли заготовить дров. Таисия в припадке пьяной благодарности не раз вставала на колени и, рыдая, кланялась каждому прохожему на улице. Когда картошка закончилась, мать с сыном пошли батрачить по дворам. Денег им никто не давал – не было их, денег этих, у самих романовцев. А вот накормить, обогреть несчастных – ради бога! Прочесав и не раз в поисках работы и тарелки щей романовские улицы, мать и сын постучались

на Свинячий хутор. Поначалу Бяка принял их настороженно и с неудовольствием – бомжи какие-то, алкашня, один калека... что с них возьмешь, но, впрочем, ладно, решил, пушу, пусть навоз почистят у коров, не все же самому надрывать... Но, знакомясь ближе, наблюдая за «высланными» в работе, начал ловить себя на мысли, что они-то, вообще, ничего, старательные и от них есть какой-то прок. Баба, если не пила, вполне сноровисто научилась орудовать вилами, замешивать корм для свиней, доить даже... Малый оказался тоже не ленивый, ловко подхватывал правой, здоровой рукой ведра с пойлом, без усталости таскал в коровник. С ними и в доме стало повеселее. Тонька то ли стесняться стала бардака, то ли еще что, но начала с некоторых пор приборку наводить, за собой следить, по крайней мере вылезла из замурзанного халата, джинсы на толстую задницу напялила, съездила в город, кудрявую прическу сделала. Правда, тут Бяка немного насторожился, стал приглядывать за Игорьком, но ничего предосудительного не обнаружил – Игорька, кажется, не волновали мясистые прелести Тоньки, да и была она на голову выше Игорька. «Окажется наверху невзначай, – представил, улыбаясь, Бяка интересную сцену, – раздавит, как мышонка» – и перестал даже думать о чем-то таком.

И мать с сыном прижились на Свинячем хуторе. Бяка отделил им перегородкой из горбыля закуток в кормозапарнике, сколотил два топчана, поставил столик, прибил вешалку... По их же просьбе, между прочим – не таскаться же каждый день из деревни и обратно в свою холодную лачугу, а тут всегда в тепле и рабочее место в прямом смысле в двух шагах. Да и приготовить себе всегда можно на горячей с утра до вечера печке. Самые необходимые продукты – хлеб, крупу, макароны, подсолнечное масло Бяка покупал им сам, по строго дозированной норме, молока позволял пить вволю. Раз в неделю разрешил ходить в баню, правда, только после себя с Тонькой.

Лето прожили вполне справно и дружно. Бяке даже стала нравиться такая жизнь. Таисия за работой забывалась и стала вроде меньше пить. Она даже как-то посвежела, и Бяка поймал себя однажды на вождении к ней. Но подавил это чувство в себе, это было бы себя не уважать. Хотя вся деревня, доходило до него, давно уже перекрестила его с Тайкой, а Тоньку с Игорьком. Однажды Надька Карасева, отвешивая Бяке в магазине сахарный песок, с издевкой и мстительно пробросила: «Слаще сахара бывают, говорят, бомжихи... Не знаешь, Миш?» Но Бяка на сплетников поплеывал, держался сам в норме и удерживал равновесие, как ему казалось, на хуторе в целом. В то лето он заготовил клевера на две зимы вперед, удачно продал осенью излишки, оказался с барышом. Потом ловко перехватил хороший кредит и обзавелся той самой новой техникой, на которую завистливо заглядывался Виталик Смирнов. Правда, в лизинг, но мечталось, что рано или поздно он ее выкупит в собственность. Но для этого надо было договариваться с Булкиным, главой района, чтобы тот надавил на своего зятя, заведующего агролизингом, продать года через два технику Бяке по остаточной стоимости. Булкин же в последнее время стал капризничать, не подпускал Бяку напрямую к переговорам, действовал через помощника. Бяка долго недоумевал, за что такая немилость, пока помощник не намекнул, что «хозяин» хочет поднять до пятидесяти процентов ставку отката по кредитам. Ну, это было уже слишком – с миллиона отдай пятьсот! А себе тогда что оставалось?! Почти ничего! Бяка всю осень ходил как оглушенный и решил, пока не приедут описывать имущество за долги, новых кредитов не брать. Так и вошел в растерянности, бочком, одной ногой как-то, в Новый год. Что явно не сулило устойчивости и процветания в наступающем. Как говорится, как встретишь...

Так оно и вышло. В начале января, после затяжного, обильного, новогоднего возлияния замерзла Таисия. Возвращалась из деревни ночью, пьяная, на хутор, сбилась с дороги, долго плутала, судя по следам, по полю, упала в снег в каких-то ста метрах от жилья, заснула и больше не проснулась. И морозец стоял легкий, и метели особой не было, и вот надо же тебе как угрозило! Отдала богу душу всего в нескольких шагах от дома. Судьба! Перенесли ее, негнущуюся, скрипуче-заиндевовшую, в прилипших ледышках, Бяка с Игорьком в кормозапарник,

уложили на топчан, стали разоблачать. Из кармана жиденького, обвислого пуховика выпала недопитая бутылка, покатила криво по полу...

– Наверное, смерть была легкая... умерла, как в наркозе, – зачем-то сказал Бяка, глядя в почерневшее, каменное лицо покойной.

– Заткнись, урод! – вдруг затрясся, сверкнув глазами, Игорек, поднял бутылку с пола, отвинтил крышку зубами и выпил залпом до дна.

С того дня Бяка стал почему-то побаиваться Игорька. А Тонька после простеньких, тихих похорон с укором сказала:

– Мог бы и в дом тогда Таисию перенести.

А весной, в жаркий, синий апрельский день, когда Бяка неожиданно вернулся с поля, где подсевал клевер, за новой порцией семян, он застал Тоньку с Игорьком в постели. Что-то удержало его бить калеку, да и сверкнувшие тогда, после смерти матери, ненавистью глаза Игорька – краткий миг восстания раба – запомнились, не схватился бы за нож... В клокочущей ярости, с трудом сдерживаясь, он отследил, пока Игорек оденется, обует, постукивая пятками в пол, ссохшиеся кирзовые сапоги, а затем сгреб его за шиворот и спустил пинками с крыльца:

– Чтоб духу твоего здесь больше не было, козел!

К дочери вернулся, прихватив в сених, сто лет там висевший на гвоздике, никому не нужный приводной ремень с комбайна.

– Потаскуха! С кем связалась! – схватил Тоньку за жиденькие, мелким бесом завитые волосенки, оторвал от подушки, занес руку для удара.

– Бей! – закричала Тонька, закрывая глаза рукой. – Хоть насмерть убей, не боюсь! А его прогонишь, удавлюсь! Среди твоих грязных свиней удавлюсь! – И зарыдала, кривя свое и без того некрасивое, большеротое, круглое лицо: – Мамку заморил, теперь мне жизни не даешь!

Бяка разжал пятерню, легким толчком с удивлением оттолкнул голову Тоньки:

– Что, что я сделал с матерью?

– Что слышал! – кульком упала Тонька в подушку, вздрагивая в рыданиях голыми, мясистыми, усеянными рыжими веснушками плечами.

Бяка неприязненно прикрыл спину дочери толстым, засаленным одеялом, не решился и погладить Тоньку по волосам – обида вдруг взяла его.

– Мы с матерью жили дружно... вместе дом поднимали. – Голос Бяки задрожал. – Врачи-коновалы погубили ее... и всего-то было воспаление легких.

Тонька затихла, прислушиваясь. Бяка все-таки осторожно погладил ее по голове:

– Вот так-то, доча... А он тебе не пара... сама же знаешь. Вот и подумай, к чему все это приведет! – Бяка присел на край кровати, примирительно встряхнул через одеяло плечо дочери.

– Пара не пара, а лучше мне здесь не найти! – выпрямилась на постели Тонька, прикрываясь и вытирая слезы одеялом. – В клубе на меня никто внимания не обращает, все вон худенькие, а я... как корова!

– Ну зачем так сразу – «как корова»! Ты симпатичная, крупная... кому-то и такие нужны, – миролюбиво сказал Бяка, зачищая ногтем присохшую грязь на штанах. – А он-то, посмотри – шкет! Да еще с одной рукой! Что ты в нем нашла?!

Тонька перестала плакать, недоверчиво поглядела на отца – так ли уж по-доброму расположен он, можно ли довериться? – шмыгнула носом и снова заревела:

– Он хороший, у него тоже мамка умерла... не прогоняй его!

Бяка досадливо поморщился и, еще раз потрепав Тоньку по голове, пошел искать Игорька.

Игорек был в кормозапарнике, складывал свой немудреный скарб в объемистый, высокий мешок из-под комбикорма. Придерживая зубами край мешка, запихивал в него одной рукой облезлые, с торчащим пухом куртки, замызганную, стоптанную обувь, несвежие вороха гряз-

ных футболок, электрически потрескивающие, из синтетики, свитера... В аккуратную стопку на столе были сложены книги.

– Читаешь? – прикидывая, с чего начать разговор, машинально взял Бяка в руки верхнюю книжку. – Молодец... смотри ты, какая заковыристая... «Как рабочая сила становится товаром», – прочитал на обложке, – «Критика капитализма», – посмотрел на следующий томик в стопке. – Ну да, – протянул, думая о своем, – ты же в экономическом техникуме учился...

Игорек подхватил рукой мешок под горло, разжал зубы и, отплевываясь, поставил на топчан. Вопросительно и недобро взглянул на Бяку.

– А вот мне, брат, читать некогда, – вздохнул Бяка и вернул книгу в стопку, – с утра до вечера, как заводной...

Игорек молча, насупившись, стал по одной запихивать книжки в мешок. Бяка нахмурился:

– Ты вот что, распаковывай мешок... Скажи спасибо Тоньке, упростила... Но что б больше к ней ни-ни, на пушечный выстрел! – свирепо выпучивая глаза, грохнул кулаком по столешнице.

– Ты меня на испуг не бери! – задрожал длинным, острым подбородком Игорек. – Ради Тоньки... Тони, то есть, я останусь... но на все твои условия класть хотел! – зло сказал он и помахал в воздухе согнутой в локте рукой.

– Борзый, значит, стал... выеживаешься! – потер рукой небритые скулы Бяка. – Хотел с тобой по-хорошему... А может, тебя свиньям скормить? Кто тебя, такого обсоса, искать будет! – усмешливо окинул Игорька взглядом.

Тот побледнел, сделал несколько шагов назад:

– Будут! Тонька искать будет! – и опустил руку в карман.

– А ты, я смотрю, шустрик, – покосился Бяка на карман Игорька, – капитально запудрил девке мозги... от этой дуры теперь все что угодно можно ожидать. – Бяка потоптался на месте и на всякий случай встал так, что их с Игорьком стал разделять стол.

– И что же мне с тобой, таким красивым и умным, все-таки делать? Может, яйца тебе отчеккрыжить, сынок? – подмигнул Игорьку.

– Слушай, папаша, – поморщился Игорек, – хватит придурка из себя корчить... говори по делу, или я действительно сейчас уйду!

– По делу так по делу, – посуровел Бяка, – так вот... Тоньку я за тебя, бомжа, никогда не отдам, лучше застрелиться от позора... И расцепить вас сейчас невозможно. – Бяка мрачно задумался. – Так вот... я тебе денег дам, хорошо дам, не обижу!.. Ты покрутишься здесь еще до осени, потихоньку спуская все на тормозах, чтоб без бабьих трагедий там разных... а потом исчезнешь, как будто тебя никогда и не было. Ну, напишешь потом что-нибудь, что другую полюбил... и с концами. – Бяка замолчал и накрыл Игорька, как плитой, тяжелым, угрюмо-выжидательным взглядом.

– Покупаешь, значит? Ну и сколько дашь? – усмехнулся Игорек.

– Тысяч сто пятьдесят, думаю, тебе хватит, чтоб уехать далеко-далеко! – с медовой ехидцей пропел Бяка.

– Негусто, – криво улыбнулся Игорек, – с учетом того, что мы с матерью три года пахали на тебя бесплатно.

– Не понял! – насторожился Бяка.

– А чего тут понимать, – вскинулся острым подбородком Игорек, – осенью мы с Тоней и так решили от тебя уйти, а до этого...

– Как-как – уйти?! – перебил Бяка. – Жить, что ли, вместе? С тобой? Ну ты юморист!

– ...А до этого!.. – выкрикнул Игорек. – Ты заплатишь по суду всю причитающуюся мне зарплату!

– Зарплату?! Тебе, по суду?! Да кто ж тебя слушать будет, сявка! – аж побелел от негодования Бяка.

– Послушают! Тоня свидетель, все на суде расскажет! Да и другое кое-что вскрыться может! – вырвалось у Игорька.

– А вот это уже интересно! – задышал глубоко Бяка. – Что, например?

– Узнаешь! – сказал Игорек, доставая руку из кармана и разминая пальцы в воздухе.

– Ну, ты и наглец! – выдохнул Бяка. – Без меня вы бы с матерью с голоду подошли... а я вас бесплатно кормил. И сколько же ты просишь этой... зарплаты?

– Хуже свиной кормил... макароны и маргарин, – вздрогнул подбородком Игорек, – а зарплату буду требовать среднюю по деревне... семь тысяч в месяц. Вот и считай, сколько на двоих за это время набежало.

– На пол-лимона тянет... не по чину замах, – презрительно посмотрел на Игорька Бяка. – Ничего ты в суде не докажешь! Не знаешь ты, что такое сейчас суды... А вот нарваться можешь, капитально нарваться, так, что действительно закопают... – Бяка выдержал паузу, устало и безразлично протянул: – Что-то там «вскрыться может»... Что ты вскроешь? Детсад... Так что бери, пока я добрый, то, что даю, и на все четыре стороны по осени... В июле получишь половину, в октябре остальное. Ты все понял?

Игорек, царапнув Бяку косым взглядом, промолчал. Бяке захотелось подойти к этому обнаглевшему «обмылку», врезать как следует, повалить и долго возить мордой об пол, пока не запросит пощады. Сдержался. «Поучить сосунка старших уважать еще будет время». Разошлись в тревожной подозрительности каждый при своем.

Бяка видел, что шашни Игорька с дочерью не только не прекратились, как грозно требовал он, но, наоборот, приобретали с каждым днем все более откровенный и наглый характер. К июлю утративший всякий стыд и страх Игорек самым бессовестным образом бухал сапожищами каждую ночь напрямик к Тоньке в летнюю половину дома. Это был вызов, дерзкий самонадеянный вызов, и Бяка понял, что его условия решительно отвергнуты. Что делать? – призадумался Бяка. Выгнать их обоих и немедленно? Но сколько будет сраму на селе, да и как одному летом справляться с хозяйством, с этой вечно голодной прорвой свиной, коровами, сенокосом! Подстеречь «недоделка» где-нибудь в укромном местечке, придушить гниду и закопать в лесу?! – приходили в голову и такие мысли, но это было слишком... Стал бояться, что по злобе Игорек отравит свиной, подмешает что-нибудь в пойло коровам... Потерял покой, пристрастился подглядывать через грязные окна в кормозапарнике и в сарае, как они с Тонькой мешают корм свиньям, как доят и поят коров. Стало пошаливать сердце, временами еле ноги таскал. А тут еще Булкин со своими темными делишками в очередной раз нарисовался. Случилось это как раз накануне встречи с Виталиком Смирновым в овраге.

Здесь надо сказать, что Бяка через этот проклятый распил с кредитами так сросся с верхушкой районной администрации, что вошел в круг чуть ли не самых близких и доверенных лиц самого главы района Булкина Владимира Савельича. А посему изредка, обычно где-то раз в году, на хуторе у Бяки появлялся на неприметной «совковой» «Ниве» помощник Булкина по связям с общественностью Вадик Труханов, чрезвычайно деятельный, расторопный, улыбочиво-обаятельный молодой человек, неполных еще тридцати лет, но, к сожалению, рано облысевший, что очень старило и портило его. Но это так, к слову...

Вадик заезжал на хутор на заляпанной грязью «Ниве» обычно со стороны леса, по вполне наезженной лесниками, охотниками и «черными» торговцами древесиной дороге, пробитой через когда-то роскошный, но теперь под корень выведенный хвойный бор, от большого села Петровское, стоявшего километрах в десяти от Романова на большаке в сторону областного центра. Получалось, что Труханов делал порядочный крюк по чащобам сорного подлеска, поднявшегося на месте красавца-бора, прежде чем попасть на хутор к Бяке. Принимая от Вадика обычно поздним вечером, в темноте, увесисто-тяжелый, средних размеров, но вме-

стительно-емкий чемоданчик-кейс с кодовым замком, обильно и тщательно, как это делают в аэропортах, перемотанный скотчем, Бяка понимал предусмотрительность ловкого помощника главы района. Он однозначно догадывался, что в чемоданчике. Испариной покрывалось тело Бяки, когда он брал кейс в руки, закутывал в рогожку и, тревожно прижимая к груди, нес, как бомбу с заведенным таймером, в слесарню. Там он, затворив окна на внутренние ставни, чтоб ни щелочки, ни просвета, доставал из ящика, заваленного разнокалиберными заготовками, моток тонкого стального тросика, обматывал им широколобую станину токарного станка, закреплял узел, перебрасывал тросик через блок, ввинченный в потолочную балку, к лебедке и осторожно, мягко приподнимал передок станка над полом. В полу обнаруживалась крышка, с металлическим кольцом заподлицо, неглубокого, обитого оцинкованной жестью тайника, куда и помещался с особой тщательностью и предосторожностями, дополнительно упакованный в целлофан, драгоценный чемоданчик. Затем станина снова намертво опускалась на люк тайника, обнаружить который, не сдвинув в сторону полутонную махину станка, было невозможно.

Вадик только почтительно закивал головой и сделал восхищенный знак большим пальцем, когда Бяка показал ему потайное место уже на второй раз появления помощника главы района с таинственной поклажей.

«Груз-10», как обозначил для себя чемоданчик Бяка, обычно отлеживался у него на хуторе месяц-два, не более. Затем снова по лесной дороге и, как всегда, в сумерках появлялся на верткой машинке Вадик и, не особо распространяясь, отделяясь скупым приветствием, забирал кейс, клал под подушку переднего пассажирского кресла и уезжал уже по шоссе в город. Бяка мысленно крестился: «Слава богу, пронесло... и дай бог, чтоб в последний раз», когда красные задние огни «Нивы» угольками в темноте уплывали по хуторскому проселку на большую дорогу в Иванград. Но «последний раз» не наступал. Более того, в этот последний раз Вадик приехал какой-то кисло-озадаченный, смурноватый, и, передавая «Груз-10», предупредил, что кейс полежит у Бяки, может быть, до осени. Час от часу не легче... А когда Бяка, совершив с чемоданчиком привычную ходку в слесарку, вернулся в дом, Вадик неожиданно попросил выпить. Это было уже что-то новенькое, чтобы деловито-строгий, вечно куда-то спешащий Вадик сел с Бякой водку пить? – чудеса какие-то! Но у Вадика, видимо, что-то крепко наболело, про свои проблемы Бяка и думать не хотел, так противно было на душе, что уже скоро сидели они в празднично освещенной разноцветными гирляндами беседке, среди нежно причесанного трехдневными дождями, вольно дышащего сада, и на вполне доверительной, разнеженной волне, в гармонии с природой, почти не пьянея, с удовольствием накатывали рюмку за рюмкой. Хотя «не пьянея»... это им только так казалось. Просто водка попалась приличная и не сразу била по мозгам, как «паленка», и Бяка не пожадничал, принес из подвала царскую закуску – пол-ляжки свиного окорока – бело-розового на просвет, если резать тонкими ломтями, пахнущего дымком, таявшего во рту... Вадик пил, наполнялся пьяной, осоловелой расслабленностью и не мог насытиться окороком. С ним такое, при его конституции, редко случалось. Бяка, посмеиваясь, наблюдал за неумно-прожорливым гостем и тоже не отставал.

– Завтра печень будет вот такая! – показал рукой Вадик что-то вообразимо большое, выпуклое, по правому боку.

– Ничего, рассосется, молодой еще, – успокаивающе говорил Бяка, иронично оглядывая лысую голову Вадика, – молодой... это вот мне завтра с похмела клевер косить... боюсь, хреново будет!

– А ты спи... ты же не в колхозе, бригадир будить не будет... ты же сам себе хозяин, – уже пьяненько подковырнул Вадик.

– Хозяин! – неопределенно хмыкнул Бяка. – А ты откуда про колхозы-то знаешь? Кино смотрел? – не удержался, тоже боднул Вадика.

– И кино смотрел, и книжки читал, и дед с бабкой рассказывали... преемственность поколений, так сказать... – совсем не обиделся Вадик и внимательно, с присущей ему особенностью – исподлобья, посмотрел на Бяку, – ты что, Михал Василич, действительно поедешь завтра свой клевер косить, в воскресенье... с бодуна?

– Умирай, а рожь сей... – чем-то польщенный беззубо заулыбался Бяка.

– А ты батрака пошли, – сказал неожиданно Вадик, – кстати, где он? Да и дочери твоей что-то не видать.

– В клуб ушли, на дискотеку... еле выпроводил, – нахмурился Бяка (ему не понравилось – «батрак») и подумал: «Хитрый жучила, пьяный-пьяный, а лишних ушей на всякий случай боится». – Какой из моего «батрака» батрак! – небрежно отмахнулся. – Ты же знаешь, калека он... но вот прибился, живет... – И на всякий случай добавил: – Я его не гоню, бесплатно кормлю-пою...

– А мать его, я слышал, замерзла?

– Да, пьяная, зимой... как раз после новогодних праздников... Так что надеяться мне приходится только на самого себя... Умирай, а рожь сей, – со вздохом повторил Бяка.

– А надо ли все это? – вдруг странным вопросом задался Вадик и взялся за бутылку: – Ого, пустая! И когда это мы успели и эту выдуть?

Бяка молча сходил в дом и принес еще поллитровку.

– Не знаю, что надо, что не надо... – сказал он, вернувшись, нетрезво припечатывая бутылку на стол, – а что еще делать? Я в кредитах, ты знаешь, в долгах, как... в навозе. Не буду крутиться, за полгода сдуюсь... все опишут, не опишут – заставят своим продать, не заставят продать – убьют... и че я тогда старался?! Че из кожи лез, наживал, строил все это... Так что поеду завтра с утра клевер косить, без бригадирских пинков, как ты говоришь... Вот она, частная собственность! Она злее колхоза! Даже с бодуна гонит на работу... Я не прав? Если прав, наливай!

Вадик еще достаточно твердой рукой филигранно, не пролив ни капли, разлил водку по пузатым, вместительным рюмкам:

– Глаз-алмаз... прав ты, Василич, прав! И меня проклятый капитализм безжалостно каждый день на «мой клевер» гонит... Как осточертело все, если б ты знал! Кажется, плюнул бы, да и ушел снова в газету... Но там гроши, а дачу достраивать надо, квартиру отремонтировать надо, жене барахло разное покупать надо, сыну кружки и репетиторов оплачивать надо – вот и кручусь, обслуживаю тут... – Он показал глазами вверх. – Зато кое-что перепадает... с барского стола, так сказать... Надолго ли, правда, он, этот стол?

Вадик, изрядно тронутый хмельком, картинно подпер щеку рукой, плутовато посмотрел на Бяку:

– Ты читал сказку, впрочем, это не сказка... самого ехидного русского писателя «Как один мужик двух генералов прокормил», так и называется «Как один мужик...»... не читал? Ну, не важно, так я тебе скажу, что ты переплюнул того мужика... из сказки – ты кормишь сразу пять, нет! Десять генералов! Дай посчитаю... – Вадик поднял вверх правую руку и стал зажимать пальцы: – Главу, трех замов, руководителя аппарата, полицмейстера, прокурора... и т. д. и т. п. Вот бы про что написать надо, я ведь когда-то неплохо писал! Но теперь уже вряд ли что когда напишу! – Вадик выпил и как-то стремительно вдруг «поплыл», рассиропился, умыл ладошкой, как ребенок, пьяные слезы на лице.

«Все, готов!.. А про генералов он верно сказал», – зло подумал Бяка и осторожно спросил:

– У генерала одного... шефа твоего... все нормально? Ты что-то тут про стол...

Вадик собрался и постарался придать глазам трезвое выражение.

– Строго между нами, – зашептал он, – бандюги в сити-менеджеры протолкнули своего, тот в долю лезет, а тут и так все по краям... не на тебя же, в смысле таких, как ты, его сажать!

В общем, война... поэтому и решили у тебя до осени все полежит... у тебя надежно, кому в голову придет искать тут... главное – чтоб никому, никому! – Вадик прикрыл веки и решительно замотал головой.

Бяке стало не по себе, страшно.

– А много там? – сорвалось против воли.

– Не считал! – с пьяным вызовом, в упор посмотрел Вадик. – Тебе-то какая разница!

Бяка обиделся.

– Я тут тоже только передаточное звено, – попытался извиниться Вадик.

– В чемоданчике десять кило с лишним, я завешивал... – хмуро заговорил Бяка, – одна любая американская бумажка – посмотрел в Интернете – ровно один грамм... получается, если отбросить вес тары, на десять кило тянет ровно лимон зелени сто долларовыми бумажками? Правильно считаю?! – озадачил Вадика неожиданными выкладками Бяка.

– Ну ты голова! Ну, ты Пифагор! – в пьяненьком восторге захохотал Вадик. – А мы говорим: народ у нас не тот, не въезжает народ! Да народ у нас самый умный! До всего додумается и докопается! Только бы интерес был! Голова у нас народ! И ты голова, Василич! Дай я тебя, Пифагорушка ты Романовский, поцелую! – Вадик порывисто приподнялся со скамейки и, перегнувшись через стол, опрокидывая рюмки, крепко сжав ладонями небритое, с вытаращенными глазами лицо Бяки, жарко наградил того куда-то в шапку жестких, непромытых волос на голове троекратным поцелуем.

– Ну и волосы у тебя! – отстранившись, возрился сверху на Бяку, – как у Анджелы Дэвис... Дай на рассаду! Дай на рассаду! – снова куражливо полез с поцелуем.

– Ну ладно, будет тебе! – разжал ладони Вадика Бяка, понимая, что гость окончательно спекся. С силой, за плечи снова усадил Вадика напротив и, подумав, выровнял на столе рюмки:

– На посошок? – взболтнул бутылку.

Вадик согласно кивнул, замерев в позе птицы на морозе. Бяка вложил ему в руку до краев наполненную рюмку. Чокнулись. Вадик мучительно, содрогаясь, выцедил рюмку до дна. Глаза его, сверкнув белками, закатились под лоб.

– И это... все что ты возишь ко мне... весь ихний общак? – решил и спросил все-таки Бяка.

– Наивный, – прошептал Вадик, погружаясь в пьяно-беспамятный сон, – но лучше об этом... ни-ни... – сделал он последнее отрицательное шевеление рукой, – а то будет... больно...

«Сколько же воруют! – с необъяснимым восхищением и оторопью подумал Бяка. – Если такие деньги гребут только в одном сраненьком районе! А по всей стране?!»

Он вспомнил, что в июле обещал этому заморышу Игорьку половину суммы, чтоб запаху того по осени не было здесь... и призадумался. Деньги у него были. Лежали где надо. Но это были его кровные денежки, добытые горбом и потом. Собирал он их на черный день, как энзэ, на всякий непредвиденный случай. И вот теперь какому-то наглomu хорьку отдать из них сто пятьдесят тысяч? «И кто меня за язык тянул?» – аж зубами заскрипел Бяка. Он неприязненно покосился на размякшего, нехорошо побледневшего, беспомощного и жалкого в нездоровом, пьяном сне Вадика, и странное, недоброе видение вдруг застлало его сознание. Он представил неожиданно сгоревшую где-нибудь в лесу «Ниву» (для этого нужно задним ходом снова отогнать машину в лес, в колеях после дождей полно воды, по следам ничего не разберут), сгоревшую вместе с Вадиком, но... без драгоценного его чемоданчика. Лимон зеленью, огромные деньжищи! – будет ждать своего часа в укромном местечке, в таком, что ни одна ищейка не найдет! Уж он-то придумает! Как с тайником придумал! Ведь придумал же! А потом, когда все уляжется, через несколько лет, прощай нищее Романово! Прощай, каторжный Свинячий хутор! Привет, вечнозеленый рай на земле на каких-нибудь далеких жарких островах! «Менты копать глубоко не будут, разбираться на место приедут мелкие сошки, им вряд ли что-то про

чемоданчик скажут... – горячо забилося в голове у Бяки, – но вот потом... потом появятся серьезные ребята... и „будет больно“ – усмехнулся Бяка, – Тоньку жалко, на глазах изуродуют...» Бяка испугался того, что он только что нафантазировал, отмахнулся от паскудных мыслей и понял, что он тоже перебрал. Но решение, что никаких денег, из своих, кровных, он Игорьку давать не будет, было им принято. «Тогда где взять, чтоб отдавать было не жалко?.. А вот где! – вдруг осенило Бяку. – Могли бы и отблагодарить за чемоданчик, так сказать, небольшим процентиком за хранение, – стал думать Бяка, – что я зря, что ли, рискую! Но от них дождешься! – И с ненавистью посмотрел на Вадика. – Растекся тут соплей... столько око-рока сожрал!» Бяка грубо схватил Вадика под мышки, жестко встряхнул, как какой-нибудь мешок с картошкой, резко сдернул со скамейки и, пятась задом, поволок к дому. Вадик что-то неразборчиво мычал и вяло, пытаясь опереться, перебирал ногами в белых кроссовках по траве. И снова Бяка поймал себя на мысли, что с Вадиком можно сделать сейчас все что угодно. «Лимон баксов разом взять! И что я раньше об этом никогда не думал?! Потом можно уйти в глухую несознанку... кто-то этого курьера Вадика в лесу поджидал – сдали свои, среди своих и ищите!.. Ограбили, убили, сожгли... Ничего не знаю! Ничего не видел! Ко мне не приезжал... Нет! Не поверят, запытают, по частям резать будут... да еще эта, овца глупая, Тонька... А потом, вдруг кто-то видел, как он приехал на хутор?!» – Бяка с трудом заволок Вадика в свою комнату, в который раз поражаясь, каким тяжелым и неподъемным становится обезволенное тело человека, бросил на голый раскладной диван, подумал было разуть, но побрезговал – даже сквозь кроссовки тянуло вонью запревших носков, и только набросил на гостя изношенное, с рыжими подпалинами от утюга (Райка на нем любила гладить) одеяло. «Какая дурь лезет в голову! – Постоял с подушкой в руках над согрешившим под одеялом тихо и беззвучно спящим на спине Вадиком... одно движение подушкой вниз, колено на грудь, и он, пьяный, сообразить ничего не успеет... задумался, прислушиваясь к чему-то, как будто первые петухи пропели на деревне... и сунул подушку под голову Вадика, – доверчивый у нас все-таки народ, вусмерть нажрется, дрыхнет, когда надо в оба...» Бяка вышел на улицу, его пошатывало, на душе было мутно и тоскливо; взял мусорное ведро у крыльца, прибрался в беседке, выключил освещение, вернулся с недопитой водкой и недоеденной ветчиной в дом, спрятал все в холодильник. Часы показывали полпервого ночи. Было уже достаточно светло. У ворот заскулил, забегал, гремя цепью, пес Байкал. Тонька «со своим сучонком» еще не возвращалась. Бяка, тревожась, прилег на широкую, когда-то супружескую кровать, содрал на весу нога об ногу летние ботинки без шнурков, укутался краем толстого стеганного одеяла и, прислушиваясь к редкому шевелению Вадика на диване, стал беспокойно задремывать.

...Утром, опохмеляясь на кухне вчерашней водкой, – Вадик пить категорически отказался, жалостливо попросил, дрожа всем телом, чая покрепче, – Бяка мрачно, не глядя Вадика в глаза, осведомился о возможности комиссионных за хранение денег.

– Ты чего, старина, добить меня хочешь? – простонал Вадик.

Бяка насторожился, но, поглядев внимательно на Вадика, понял, что он это так, к слову.

– Какие комиссионные! Ты что хочешь, шефа разозлить? Кредитов лишиться? Прошу тебя, не грузи меня сейчас своей молодецкой крестьянской глупостью. О, как мне херово! – Вадик обхватил руками голову.

– Ну как же так, – пробовал возражать Бяка, – я же рискую, ну, хотя бы два-три процента... Ты намекни шефу... аккуратно так, как-нибудь.

– Нет, ты несносен, Василич! Ничего намекать я не буду! Какие процентики, что за хрень ты несешь? Отвяжись со своей дурью! Дай лучше таблетку какую-нибудь от головы! – взмолился Вадик.

– Таблетки нет, а вот чайку попей, – с обиженным видом поставил Бяка перед Вадиком на стол кружку с дымящимся свежесваренным чаем. – Деньги очень нужны... за ответственность можно и подбросить... – снова было начал он.

– Ты что, идиот полный?! – уже рассерженно зашипел Вадик, дуя на чай, не решаясь сделать первый глоток. – Тебе русским языком говорят – не наглей! Тебе доверяют, а ты начинаешь борзеть... Подумай, что ты имеешь и что можешь потерять из-за своей тупости! Давай больше без этой деревенской дури! – Вадик нахохлился и, приноровившись к горячей кружке, стал быстро пить мелкими глотками чай.

Бяка угрюмо вертел пустую рюмку в руках. Опохмелка обычно приносила ему облегчение, в голове отпускало, возвращалось настроение, даже какая-то куражливая веселость появлялась – так становилось хорошо. Сегодня все было испорчено. Этот лысый гондон все обосрал! А сколько словечек издевательских накрутил... и получилось, что Мишка Макаров – полное чмо, р... дая и деревенский м... к. Нет, он как-то еще гнуснее завернул... Бяка силился сформулировать, что его так занозило в словах Вадика, и пока не мог. Он почувствовал только, как наливается злобой.

Вадик, допивая чай и бегло оглядывая резко помрачневшего Бяку, внезапно сообразил, что на старые дрожжи наш человек вдвойне непредсказуем. «А ведь и по морде съездит за здорово живешь... черт меня дернул с ним вчера напиться! Еще вообразит себе!» – с досадой подумал Вадик, ощущая, как после чая его пробил оздоровляющий пот, как ему становится легче, как восстанавливается более или менее ясность в мыслях. Он понял, что надо как можно быстрее делать ноги, и, похлопав себя по карманам в поисках ключей от машины, засобирился в дорогу.

– Ну, пока... загостился я у тебя. Дома, наверное, извелись, – сунул он, запоздало застенчившись, мокрую от пота ладонь Бяке. Тот хмуро отозвался вялым, недружелюбно-холодным рукопожатием. – Значит, ты понял, до осени все у тебя... – еще раз напомнил Вадик, – если что, звони! – И, вытирая руку носовым платком, юркнул за порог.

Бяка постоял у окна, понаблюдал, как Вадик возится у машины, протирает зеркала, лобовое стекло, машинально постукивает ногой по скатам, и, подумав, решил все-таки выйти во двор, открыть передние ворота гостю. Байкал, увидев хозяина, в радостно-бурном порыве залаял, заметался у будки при воротах, приветственно отрываясь от земли на задние лапы на натянутой цепи. «Хоть кому-то я нужен еще здесь!» – подумал Бяка, ласково запуская руку в густую, вонючую шерсть пса на загривке. Байкал, извернувшись, подпрыгнул и несколько раз лизнул Бяку в лицо. Бяка мягко отпихнул собаку, сдвинул щеколду на воротах, распахнул половинки ворот и дождался, пока мимо проедет Вадик. Вадик, приветственно подняв руку и посигналив, проехал. Бяке захотелось, гримасничая, высунув язык, вытянуться во фронт и козырнуть, но он вовремя опомнился и только нарочито медленно пошевелил на уровне плеча растопыренной пятерней. Затем вернулся в дом, прошел на летнюю половину. Приоткрыл дверь в Тонькину комнату. Голубки еще мирно почивали. Тонька под одеялом, казалась, еще массивнее, бесформенным сугробом нависала над своим заморышем, русая голова которого со сбитыми, давно не стриженными волосенками, смешно, по-младенчески, торчала у Тоньки где-то посередине ее полных, развалистых грудей. «Тьфу, ты... мерзость какая! – вознегодовал Бяка, с отвращением прикрывая дверь. – Поеду косить, разбужу... кто доить-кормить псарню будет, проспали все, поганцы!» Сходил на скотный двор, рассерженно и нервно, кое-как отдоил все пять коров. Доил с опозданием на два часа, бедные коровенки, настрадавшись, подпускали к себе с доильным аппаратом плохо, нервничали, на месте не стояли, молока дали мало. Бяка, чувствуя, что задерживается с покосом, не погнав их в общее стадо, выгнал в загон за скотным двором, решив, что к вечеру привезет им подкормиться клевера с поля. Затем затопил печь в кормозапарнике, замесил кашу с комбикормом для свиней. И только после этого пошел будить Тоньку.

Когда заводил трактор, навешивал косилку, пробовал ее на оборотах, неожиданно вспомнились и «крестьянская глупость», и «деревенская дурь», и Бяка вдруг понял, кто он для них...

«Давить вас надо всех, ворье ненасытное!» – с остервенением думал Бяка, выруливая на тракторе в сторону клеверного поля.

Глава 5

Первым желанием Витька, когда он отошел от болевого шока, было догнать своего обидчика и всадить ему куда-нибудь в почку нож, а потом еще раз, и еще, и еще... Он нащупал в кармане куртки складник с откидывающимся лезвием, сработанный еще умельцами на зоне. Но мысль, что за нападение на полицейского грозит ему немалый срок – остудила его. В тюрьму он снова не хотел. Только что вышел и обратно туда? Нет, так не пойдет. Туда рисковому человеку всегда успеется, а хотелось пожить вольготно, с оттягом, с ленивой беспечностью и удовольствием. А для этого нужны были приличные бабки, на деревенском баре хапок не сделаешь, а бабки нужно было еще где-то добыть, не засветившись. Так что залипать с этим ментом в первые же дни на свободе был бы чистейший наивняк. А там время покажет, поквитаться еще успеет... Так решил Витек, остывая и принимая снова уверенно-беспечный вид. Впрочем, никто ничего и не заметил, исключая бармена. А бармен был старый кореш из Иванграда, замутились еще до отсидки, вряд ли будет бакланить лишнее... Витек приказал ему «хорошей» водки. «Ты ничего не видел», – сказал на всякий случай, принимая рюмку. Выпил, закурил и вышел на крыльцо клуба. Боль при ходьбе еще отдавала в паху. Витек, морщась, присел на низенькие, с облупленной краской перильца, и, без удовольствия покуривая, огляделся. Рядом, сбившись в стайку, длинно плюясь и нарочито-цветисто матерясь, перебивая друг друга в каком-то бессмысленном оре, пили дешевое пиво из горла, беспощадно смоля одну сигарету за другой, полупьяные подростки. «Пацаны, а нельзя ли потише и без плевков!» – раздражаясь, сказал Витек. Что-то было все-таки не так и ему отчаянно захотелось потрогать больное место, хотя бы через карман штанов. Пацаны почтительно притихли. «Шли бы вы, поплясали!» – не выдержав, сунул руку в карман штанов Витек. Пацаны, как один, щеголевато отстреливая щелчками недокурные сигареты в кусты за крыльцом, послушно, гуськом потянулись в клуб. Витек, привстав с перил, пощупал через тряпку кармана свое самое главное. Все было при нем, кажется, целое и невредимое, он с облегчением вздохнул, повеселел и всмотрелся в дальний, плохо освещенный угол крыльца. В толстой, с некрасивым круглым лицом девахе с трудом узнал дочку Бяки Тоньку Макарову. Рядом с ней крутился, что-то быстро говорил, часто вставал с перил и снова садился, механически-бережно придерживая правой рукой левую, какой-то доходяга, кажется, работник Тонькиного отца, что-то типа вывезенный с матерью из Москвы, вроде Игорьком зовут... Витек до этого встречал его несколько раз у деревенского магазина, запомнил. Придурки, отметил Витек, критически оглядывая пару. Он вспомнил Тоньку белесой, неуклюжей свинкой в школе, всегда застенчивой и какой-то сконфуженной, смотревшей на парней старшеклассников глазами, полными вожденческой мути раннего созревания. Внезапно что-то подсказало ему, что эта «толстая чмошница» и этот «полный задрот» могут быть полезны ему. Какое-то странное чутье вдруг повело его к ним, как маньяка ведет к уловленным жертвам. Тонька раздвинула тонкой, буратинистой прорезью рот в подобие улыбки и сделала попытку даже помахать ему рукой. Доходяга тоже обернулся в его сторону и остро, настороженно взглянул. Витек, вдруг однозначно понявший, что ему надо от них, уверенно и с распоясанной небрежностью хулигана шагнул в сторону парочки.

– А я смотрю, ты не ты... нет, думаю, все-таки Макарова, – подошел Витек к Тоньке с Игорьком, сдержанно улыбаясь своими красивыми, нагловатыми глазами.

– Да, давно не виделись, – смущенно зашарила руками по перилам Тонька, не зная, что сказать.

«Квашня тупая», – подумал Витек и протянул руку Игорьку:

– Виктор.

Игорек представился, нарочито, как показалось Витьку, не отрываясь от перил. Ладонь у него была несоразмерно росту большая, каменно-заглубевшая, расплющенная тяжелой физи-

ческой работой. Витек хищно прицелился: гонористый вроде, не лох б... тый, но оценил однозначно... мужик.

– А что так редко ходим в клуб? – спросил Тоньку. – Первый раз вижу вас здесь... Отец не пускает? Работа, наверное, все работа... поле, свиньи, коровы.

– Да нет, – засмуцалась Тонька, – отец, наоборот... хотя работы хватает.

– Как, кстати, батя-то, не женился еще? Я его как-то видел тут, едет на новом тракторе, все блестит, сверкает... вполне солидно чувак смотрится. – От Витька не укрылось, что при упоминании Тонькиного отца Игорек напрягся и помрачнел.

– Не женился, – сухо сказала Тонька, – все по-старому.

– Знатный жених... богатый, – пробросил Витек, – надо ему бабу найти... молодой еще.

– Пятьдесят два, – уточнила Тонька.

– Не возраст для мужика, который всегда на свежем воздухе да на парном молочке, – внимательно, заиграв глазами, посмотрел Витек на Игорька. Игорек недовольно отвернулся в сторону. «Бяку точно не любит, – с удовлетворением подумал Витек, – нормально!»

– А не принять ли нам грамм по сто за встречу? – предложил вдруг Витек. – Выпить мне что-то сегодня охота... как смотришь, Игориче?

– Да нам бы домой уже... – неуверенно сказала Тонька, просительно и по-свойски подергав Игорька за полу куртки. Игорек промолчал. «Да они, похоже, спарились, – отметил Витек, – Бяке круто повезло», – ухмыльнулся про себя.

– Ну так что, мужик? – с подначкой спросил Игорька.

– Можно и выпить, – принял вызов Игорек.

Тонька неодобрительно зажевала тонкими губами, хотела что-то сказать, но хватило ума сдержаться. Витек, пропуская ее первой в клуб, поощрительно приобнял за плечи, хотя его так и подмывало шлепнуть эту толстую свинью по ее жирной заднице. Но тоже сдержался. Надутососредоточенный вид Игорька говорил о том, что тот вряд ли бы оценил такой жест как дружески-приятельский. А ссориться с ним сейчас Витьку было крайне нежелательно. Хотя этот заморыш своей остренькой, крысиной физой его явно начал раздражать. Вот бы кому он врезал сейчас с удовольствием, ни с того ни с сего... Витек почувствовал, как его начинает переполнять не знающая выхода злоба, не отомщенная обида на Андрюху Смирнова и за что-то на всех окружающих разом, он уловил в себе, как начинает просыпаться, царапаться и метаться в нем тот зверек бешеной ярости и сладостного нетерпения, который укротить можно было, только сделав кому-нибудь больно. Такие ощущения возникали в нем, когда он прижигал чужое, трепетное, покрывающееся испариной тело раскаленным утюгом, подносил шило к глазу... Проходя душный, блистающий рябью опрокинутого ночного неба зал с пляшущей романовской ребятней, Витек выхватил взглядом в высверках разорванных огней бледное красивое лицо Людки Демьяновой. Витек дотянулся до него своей злобой, словно ядом плюнул, и, умиротворенно предвкушая, на ком он сегодня может отыгаться, стал остывать. Вполне спокойным и даже улыбочивым он провел своих гостей мимо бара длинным, темным коридором в комнату для частных встреч.

Это было небольшое помещение, почти квадратное, может быть, четыре на четыре метра, когда-то служившее кабинетом заведующему клубом. С тех далеких, уже полумифических времен на стенах комнаты каким-то чудом сохранились в простеньких деревянных рамках несколько почетных грамот за призовые места в районных и областных смотрах Романовской художественной самодеятельности. Но на самом видном и почетном месте, в простенке между окнами, в пышной раме, богато декорированной раскрашенными под золото невиданными «райскими» цветами, красовалось, словно погребальный венок, свидетельство о регистрации Орешникова В. А. в качестве индивидуального предпринимателя. Стоял по стенке с тех незапамятных времен полированный, неубиваемый шкаф-шифоньер, в углу письменный, тоже еще советский, из грубой дээспэ стол, пара простеньких стульев. На полу был постелен вполне

еще сносный, незатертый, чистый палас, на котором шикарным островком были расставлены четыре мягких кресла и журнальный столик посередине. Витек усадил гостей в кресла, подошел к шкафу, открыл дверцу:

– Что будем пить, господа? Девушкам, естественно, винца, – бодренько сказал он, рассматривая полки, уставленные бутылками, – есть хорошее, чилийское. А мужчинам? Мужикам? Что желаете, ваш бродь, Игориче? Виски, коньяк?

– Да все равно, – пожал плечами Игорек, – можно виски. – Он все силился разгадать, с какого это перепуга блатной Витька Орешников так прогибается перед ними. Что-то подсказывало ему, что тут что-то не так.

Тонька из кресла внимательно рассматривала почетные грамоты на стене, потом встала и подошла к ним вплотную.

– Давно хочу выкинуть этот совок, – проследил за ней искоса от шкафа Витек, – да обои полиняли, и под рамками теперь белые пятна. Надо переклеить стены и снять это говно.

– Во, а тут моя мамка, – как всегда нерешительно сказала Тонька и прочитала, конфузясь, вслух: – «Награждается трио: Н. И. Ветрова, Л. М. Кабанова, Р. С. Макарова за лирическое исполнение песни „Старый клен“...» – Тонька обернулась к Витьку: – Можно я ее заберу, – сказала она, неожиданно разволновавшись. Витек посмотрел насмешливо и с интересом:

– Да хоть все забирай... меня от этого коммунистического хлама тошнит. Бабки надо было людям платить, бабки! А они эти бумажки, которыми даже подтереться неудобно, совали. Порожняк гнали, вот и просрали все, дешевки... На бабках все держится, на бабках! Америкосы давно это поняли и живут лучше всех!

Тонька сняла рамку со стенки, сдула с нее пыль, вернулась на прежнее место. Грамоту положила под руку на столик.

– Вот видишь, – показал рукой Витек на стену, – теперь белое пятно... Ладно, зеркало повешу...

– Вот скажи мне, американец, сила в чем? – неожиданно подал голос Игорек. – В деньгах? Я думаю, сила в правде, тот, за кем правда, тот и сильней.

Витек с удивленной оторопью посмотрел на Игорька:

– Ты это... о чем?

– Да о том, на чем все держится, – опустил глаза в пол Игорек.

– Постой, постой, что-то ты очень знакомое сейчас сказал, – заинтересованно развернулся в сторону Игорька со стаканами в руках Витек, – «сила в правде... за кем правда, тот и сильней...»

– Это «Брат-два», – морщась, проронил Игорек, укладывая нездоровую руку на колени.

Тонька могутно шевельнулась в кресле и с восхищением посмотрела на Игорька.

– Да, точно, вспомнил, – подошел Витек к столику и начал расставлять стаканы, бутылку вина, блюдо с солеными орешками, – нам это кино на зоне показывали... много туфтового, но в целом ничего, там этот главный герой вполне правильного пацана играет... Но это же кино, Игориче, в жизни-то все по-другому. Сила, она в силе, – посмотрел он на большую руку Игорька, – и в том, чем можно заткнуть каждого, – в бабках. Все остальное – фраерский треп... Так, значит, тебе вискаря? – снова победительно направился Витек к шкафу.

– Не каждого можно заткнуть деньгами, – вдруг неожиданно вырвалось у Игорька, – иногда лучше сдохнуть, чем издевательства и подачки терпеть!

– Вот тут ты правильно рисуешь, – сказал, не оборачиваясь, на мгновение застыв перед раскрытым шкафом, Витек, – от беспредела люди, бывает, на автоматы бросаются. «Это он, лопушок, зря, – быстро соображал Витек, – тут он прокололся, тут мы его и пощупаем». И уже не сомневаясь, взял с полки специальную бутылку виски с клофелином и разбавленный водой коньяк.

– У нас на зоне был мужик, который отказался ходить к куму, – начал по ходу сочинять он, возвращаясь с бутылками к журнальному столику, – решительно так отказался, не буду стучать и все... они его начали прессовать – придирки, избиения, карцер. Он не выдержал, бросился на колючку, ну, с вышки его очередью и срезали... Вот так, Игориче... понимаю тебя, давай за то, чтобы все рассосалось! – Он налил полный стакан Тоньке и по половинке Игорьку виски и себе коньяку. Чокнулись. – До дна! – с воодушевлением предложил. – За встречу и знакомство!

Томка нерешительно подняла стакан с вином, вопросительно-предупреждающе взглянула на Игорька.

– А давай! – вдруг назло ей почему-то сказал Игорек. – До дна так до дна... все равно мы все на дне! – И неожиданно ловко, с каким-то странным профессионализмом, опрокинул разом стакан в глотку.

– Вот это по-нашему, по-пацански! – сказал Витек и тоже махнул залпом свой разбавленный коньяк, выразительно посмотрел на Тоньку.

– Опьянею, – промямлила Тонька и начала пить вино мелкими глотками.

– Раз!.. – закричал Витек. – Два!.. Три!.. – На «девять!» Тонька допила стакан, поставила на столик, вытерла ладошкой губы и решительно запихнула почетную грамоту «с мамкой» в сумку под бок.

Витек придвинул ей орешки, Игорьку предложил сигарету. Уже после первых затяжек Игорька повело. Усилиями воли он старался смотреть трезво, держать лицо, несколько раз в голове мелькало, что он хмелеет слишком быстро и не подпаивает ли его этот блатарь как-то специально? Он хмурился, старался смотреть на Витьку с упреждающей строгостью и даже спасительно попытался затушить сигарету в блюдце с орешками. Витек недовольно встал и принес с подоконника пепельницу.

– Между первой и второй... – брезгливо вытащил он окурок из блюдца и бросил в пепельницу. – Не так ли, красавица моя? – обратился к Тоньке и налил ей снова полный стакан. Тонька захихикала и, как показалось Игорьку, «дала» Витьку глазами. «Мстит, что не пляшу под ее дудку», – зло подумал Игорек и отважно подставил стакан под горлышко бутылки, нацеленной в его сторону рукой Витьки. На этот раз Витек отмерил ему уже три четверти стакана. Игорек, не дождавшись каких-то обязательных слов и чоканий, заглотнул в два приема и эту порцию вискаря. Тонька надулась и вылакала до доньшка, как воду, свое вино. Витек, кажется, тоже принял еще коньяка. Вроде он даже как-то нарочито демонстративно водил перед глазами Игорька стаканом со светло-коричневой жидкостью... и картинно медленно выпивал, шумно выдыхая и крикая. «Это он показывает, что пьет на равных», – догадывался Игорек и пытался додумать, связать мысли, что все тут не просто, но нахлынувшая обида на Тоньку, что сразу начала перед чужим, видимым мужиком жопой вертеть, ненависть к ее отцу, что держит его за скотину бесправную, за раба свинячьего, так неожиданно больно сжали его сердце, что он едва не разрыдался и начал горячо рассказывать Витьку, впрочем, не Витьку даже, а кому-то другому, внимательному и все понимающему, доброму человеку, что живет он хуже пса цепного, спит и ест в кормозапарнике, работает как негр на плантации за тарелку супа, что он давно бы повесился, если бы не Тонька, и что к осени он стрясет с Бяки кровные, потом заработанные, и уедут они с Тонькой отсюда куда глаза глядят... Впрочем, этого он уже и не помнил, как не помнил, когда перебралась со своего кресла к нему на подлокотник Тонька, как смущенно и нежно обнимала его и жалела, стыдливо целуя в голову. Не помнил, что он долго и бурно разъяснял Витьку, отвечая на его дешевые вопросы-подковырки, почему Бяка не платит ему, своему работнику, хотя всем известно, что Бяка мужик небедный. Осталось только в сознании, в какой-то кошмарной, лохматой мешанине сцен и видений, невнятное пятно смыслов, неясное мерцание мыслей, главных и определяющих тогда весь бред пьяных откровений... После мучительных попыток припомнить потом, о чем он больше всего говорил, вынырнуло вдруг

откуда-то в памяти это нечто, это облако беспокойства и тревоги... И он вспомнил, что это была его болтовня о недавнем кредите Бяки и что помимо кредита тот немало выручил год назад на клевере, осенью на мясе, что денег у него где-то запрятано немерено... что их надо найти, взять положенное ему, честно заработанное, всего-то пол-ляма, и распрощаться навсегда с этим вонючим Свинячьим хутором, кормозапарником, кровососом Бякой...

Все это потом – отрывочное и темное – мучительно выстраивал, кроил в подобие чего-то законченного Игорек и с отчаянием признавался себе, что наболтал много лишнего и, может быть, даже непоправимо-рокового – с этой блататой нельзя связываться, нельзя откровенничать, на этом ведь погорела его мать... Единственное, что успокаивало, что он почувствовал тогда особую теплоту и преданность Тоньки. И это радовало, оставляло зацепку, что вместе они выберутся, выпутаются как-то вообще по жизни... Ну и конечно, оставалась надежда, что и урка тоже нажрался в хлам, ничего не помнит. Но на это была слабая надежда. Ведь как говорит Тонька, а она была потрезвее, она-то и доволокла его до дома, этот крендель не случайно выпроводил их через заднюю дверь, чтобы, значит, без лишних свидетелей все осталось. Значит, все четко соображал, продумывал детали. Да и прилип он к ним тогда на крыльце клуба только для того, чтобы пронюхать, есть ли у Бяки деньги, дошло через какое-то время до Игорька.

...Спровадив с довольно бесцеремонными понуканиями в ночь практически уже ничего не соображающих гостей через запасный выход с тыльной стороны клуба, Витек, довольный, что все было разыграно как по нотам, вернулся в директорскую комнату и первым делом спрятал поглубже в шкаф бутылку виски с клофелином (пригодилась все-таки). Чувствовал он себя превосходно. Этот дешевый фраерок, доходяга гребаный (хотя что-то он из себя мнит) при каком-то странном одобрении толстухи, рассказал ему все. Теперь он знал, где взять серьезное бабло... В самом добром расположении духа, вольготно закинув ноги на столик, Витек посидел в кресле, покурив, погрыз орешков. Пить больше не стал, впереди было еще одно важное дело, в котором, знал по опыту, лишний алкоголь не помощник. Посидел, подумал, снял ноги со стола, энергично поводит вправо-влево раздвинутыми коленями. Боль в паху ушла полностью, нигде даже отдаленно не тянуло, не щемило. «И все-таки надо проверить на деле, – усмехнулся Витек, – тут выпивка еще как обезболивающее...» Через пару минут бодро встал с кресла, расправил модные, узкие штаны на коленях, поднял в стойку (подсмотрел в каком-то сериале) воротник рубахи и, не забыв щелкнуть выключателем на стене у порога, вышел в зал.

Было уже далеко за полночь, веселье угасало, притушили музыку, отключили пульсаторы света. Никто уже не плясал, не резвился, кто не ушел, утомленно расселись за столики по углам, вяло потягивали пиво и коктейли. Людка Демьянова, изнуренно-похудевшая, а от того еще более красивая, сидела с подружкой у барной стойки, прихлебывала из высокого стакана, улыбалась, искала рассеянно глазами что-то в воздухе. «Скучает... это то, что надо», – решил Витек, подошел и бесцеремонно положил руку на туго обтянутое джинсами бедро Людки:

– Грустно без мужика, Людок? Могу развеселить!

– Убери лапы, не в бордели! – грубо сказала Людка, сбрасывая руку Витька.

– Опаньки! Во мы как заговорили! – нехорошо засмеялся Витек. – Недотрога, значит. –

И тут же поправился, поднимая руки вверх: – Не в настроении... понимаю, нет проблем... Может, чего-нибудь посущественнее этого пойла, для поднятия духа, так сказать... – Показал глазами на Людкину емкость с какой-то мутной жидкостью и долькой желтого лимона, проткнутого солодкой.

– Сегодня не хочется, – уже более миролюбиво сказала Людка и посмотрела на подружку: – Ты как? Я ухожу. – Соскочила с высокого табурета, стала застегивать ворот рубашки повыше. – Идем?

Подружка, Витек ее не знал, видимо из приезжих, хитренько посмотрела из-под густой, низкой челки на Витька, потом на Людку и благоразумно решила остаться еще «на полчаса». Витек одобрительно усмехнулся: «Сечет, коза!» – и двинулся вслед за Людкой к выходу.

Ночь выдалась совсем не июльская – темная, после дождей прохладная. Небо с северо-востока, из-под светлой предрассветной полосы затягивало высокими, бугристыми облаками. С подоблачной стороны сердито налетал, шумел листвой на деревьях свежий ветер. Людка ежилась в одной тоненькой рубашке. Витек снял куртку, набросил Людке на плечи, попытался приобнять.

– Не надо, – сказала Людка, неприязненно и решительно выворачиваясь из-под руки Витька, – и вообще, я одна дойду – подумала, сняла куртку и вернула ее Витьку.

– Что так? – посуровел Витек. Принимая куртку, не стал надевать, оглянулся, бегло пошарил глазами по сторонам. Ни души. До ближайших домов метров триста, все спят.

– Да как тебе сказать, Витя... – загадочно улыбнулась Людка. Витек в сумерках не то чтобы увидел, скорее почувствовал эту предательскую бабью улыбку: «Сучонка!» – Сегодня со мной случилось такое, – затаенно сказала Людка, – что нам... ну, вообще, нам лучше больше не встречаться...

– Понятно, – хмыкнул Витек, – новый трахач появился... и кто он, этот шустрик?

– Зачем тебе... – показалось, снова улыбнулась Людка, – один хороший человек... он мне еще со школы нравился.

– А я не хороший? – Длинной струйкой сплюнул сквозь зубы Витек, внимательно приглядываясь к темному силуэту у дороги заброшенной, полуразрушенной подстанции, когда-то питавшей электричеством зерносушилки совхозного тока.

– Я не это хотела сказать... при чем здесь ты? – попыталась оправдаться Людка. – Просто я поняла сегодня, что он мне нужен, ну, что он хороший...

– Хочешь, я скажу, кто этот «хороший»? – в упор посмотрел на Людку Витек и стал торопливо, словно куда-то опаздывая, натягивать на себя куртку. Поравнялись с подстанцией. Людка, словно что-то почувствовав, со страхом посмотрела снизу вверх на Витька. Сказать ничего не успела. Витек глухо и больно залепил ей рот левой рукой. Правой обхватил за бедра, оторвал от земли, потащил в разбитый проем подстанции. Поставил лицом к стене. Почувствовал, как затрепетала Людка. Молча нашарил и расстегнул «молнию», рывком приспустил джинсы у жертвы, встряхнул и наклонил вперед. Людка интуитивно уперлась руками в стенку, невнятно под ладонью прокричала что-то. Коротким ударом кулака по почкам Витек прекратил всякое сопротивление... Он взял ее яростно и сильно, с остервенением. Заканчивая, прищипнул мочку уха зубами, зашептал, глотая обильную слюну:

– Привет твоему менту поганому... передай, что у меня стал еще крепче!

Глава 6

Сенокос у Виталика Смирнова с того злополучного наезда косилкой на камни явно не заладил. И погода стояла отменная – каждый день солнце и ровный, теплыми, нежными волнами суховей с юго-востока, откуда-то из жарких далеких пустынь, только успевай утром, пораньше валить траву, шевелить в обед и сгребать к вечеру в воздушные, пролитые цветочными духами копны. И настроение было азартное, заводное, чувствовал себя Виталик превосходно, бодро, каждый день выспавшимся, вставал до солнца, успевал подоить коров, процедить молоко, включить сепаратор пока поднимется Томка, а затем рвался на огромное, запущенное поле рядом с плотиной в окрестностях уютной, давно уже ставшей дачной, деревушке Хорьковке – там он после романовского оврага набирал каждое лето основную массу сена. Травы у запруды, рядом с водой, выдавались особенно сочные, чистые, без привычной осоки, пижмы и татарника. Коровы зимой, как давно заметил Виталик, ели сено с хорьковских участков с удовольствием и бережливо, редкая прядка сена, как малосъедобная, выдергивалась чувствительными коровьими губами из кормушки и втапывалась в навоз... И с рабочими руками для дружной, особенно разворотистой работы на сенокосе, был полный порядок. Приехал погостить, будучи в отпуске, из города брат Федька, шурин Колька, временно безработный после закрытия завода, зарулил от безделья в деревню к сестре на своей ухоженной, но, увы, уже не престижной, «девятке» из Москвы... Три здоровых сноровистых мужика, Томка, плюс родители на подхвате, Маринка, за все рабочие выходные взявшая недельный отгул. Андрюха, правда, не появлялся... Да такой артелью с сеном можно было играючи управиться недели за полторы.

Но уже на третий день аврала стал чихать и кашлять, гложуть на ходу трактор. «Похоже, спекся железный конь... – сокрушенно определил Виталик, когда машина в самый неподходящий момент окончательно встала в поле, – пора покупать новую лошадку». С помощью соседа Лехи Зайцева, у того еще каким-то чудом был в рабочем состоянии «дизель», отбуксировали трактор к дому. Два дня с шурином ковырялись в железках. Два золотых бесценных денечка! Виталик злился, нервничал. Пришлось по утрам ездить на «Волге» с дедовской «литовкой» в Хорьковку. Но это же не работа, насмешка и издевательство какое-то – махать косой, продвигаясь вперед в час по чайной ложке, да еще когда заедают по утрам комары да мошки. Так до белых мух можно было промахать... Спасибо, шурин оказался мужиком рукастым, к концу второго дня трактор все-таки завели. Виталик на следующий день косил до глубокого вечера, заканчивал уже при свете фар. Насушили к субботе сена прорву, на двух коров точно, весь луг был заставлен островерхими, шлемовидными стожками. Теперь надо было энергично и решительно перевезти все домой, на задворки, где за сараем обычно метали скирды на зиму. Виталик прицепил тележку с высокими, досками нашитыми бортами к трактору, народ – Томка, Федька, Маринка, Колька – побросали вилы и грабли в тележку, попрыгали через задний, низкий борт следом... Тронулись с шутками-прибаутками. Едва выбрались за деревню в сторону Хорьковки, на ходу отвалилась серьга у прицепа тележки, зарылась с разгону острым хоботом в землю, с бабьим визгом и суровым мужским матом попадали люди друг на друга в тележке. Хорошо, что всегда осторожный Виталик ехал на небольшой скорости, не гнал, как другие, а то и до увечий в таких делах не далеко... Приваривали серьгу на Свинячем хуторе у Бяки, только у него на всю округу был сварочный аппарат. Еще один день профукали. Ночью – вот уж не везет так не везет – украли половину стожков на лугу. Кто? Можно было только догадываться. Следы от колесника вели к шоссе, а там, на асфальте, терялись. Первым делом подумали, по давней привычке, на всегда наглых и вороватых обитателей Кирпичевки, небольшого поселка километрах в пяти по дороге в сторону города, по общей оценке, решительно не отличающихся трудолюбием и скромностью поведения. Да и как иначе думать, если кирпичевские

регулярно по осени устраивали набеги на картошку и капусту романовцев. Что с них возьмешь, «тюремных», разводили руками романовцы, подразумевая, что кирпичевцы были потомками насельников небольшого лагерька, устроенного после войны рядом с открытым тогда же кирпичным заводом. Глины там были отменные, а стране до зарезу нужен был кирпич... Виталик с шурином поехали на его неприметной «девятке» по Кирпичевке, посмотрели по дворам, у кого были сметаны свежие скирды, поспрашивали аборигенов. Но сено, оно везде сено, по цвету и запаху особо не отличается (хотя свое Виталик распознал бы и по цвету, и по запаху), а чтобы кого-то из своих «заложить», даже если что-то и знали, этого кирпичевцы по раз и навсегда установленным еще в суровые времена правилам, позволить себе не могли. Пришлось Виталику наверстывать упущенное, то есть пополнять украденное, еще тремя днями ударной косьбы. И растянулся его сенокос не на полторы недели, как виделось поначалу, а на все три.

Метал Виталик последнюю скирду на задворках уже только с Томкой. Городские помощники разъехались, родителей решили пощадить – возраст, достаточно намаялись за сезон.

...Виталик орудовал вилами у основания стога, как всегда в спорном деле, с полной выкладкой сил, молча, сосредоточенно, нервно. Подходила к концу первая декада августа, пахнуло осенью, похолодало, утренняя туманная дымка долго не расходилась, готовая собраться в дождевые облака. И Виталик спешил, решительно и глубоко насаживал на вилы сена побольше, с натугой, так, что вибрировал и выгибался гибкий черенок в руках, выбрасывал тяжелые, лохматые охапки на скирду, где их принимала Томка, раскладывала равномерно по краям и середине стога, утаптывала.

– В середку клады побольше, в середку! – сердился Виталик, отбегая в сторону и критически оглядывая скирду. – Выводи на конус, разлаписто получается!

– Ты бы раньше сказал, – кричала сверху Томка, – на конус теперь у тебя сена не хватит!

– Хватит! – недовольно откликнулся Виталик, задирая голову вверх и счищая ладонью сенную труху с шеи. – Могла бы и сразу подсказать, сверху виднее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.